

И. А. Подтергера

Славянский институт Гейдельбергского университета им. Рупрехта и Карла
(Гейдельберг, Германия)
irina.podtergera@slav.uni-heidelberg.de

**ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ
В РУССКО-ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОМ ПЕРЕВОДЕ
«ЛАТИНСКИХ» КНИГ ГЕННАДИЕВСКОЙ БИБЛИИ
(на примере 1-ой книги Паралипоменон)**

В статье предлагается систематический анализ относительных конструкций в одной из «латинских» книг Геннадиевской библии, а именно в 1-й книге Паралипоменон. Цель статьи — выявить, какое место в системе относительных предложений данного конкретного переводного текста занимали предложения, вводимые релятивизатором *который* и находящиеся в постпозиции к определяемому имени. Этот аспект представляет особенный интерес для изучения «европеизации» синтаксиса русского литературного языка, поскольку постпозитивные относительные придаточные со склоняемым местоимением входят в число характерных особенностей языков так называемого средневропейского стандарта (*Standard Average European*, или *SAE*). При этом считается, что в западноевропейских стандартных языках относительные предложения современного типа развились под влиянием латинского языка.

В первой части статьи обсуждаются существующие на сегодняшний день гипотезы о происхождении в русском литературном языке относительных предложений общеевропейского типа (А. Исаченко, Г. Хюттль-Фольтер, В.М. Живов, Р. Майер). Далее предлагается подробный анализ относительных придаточных в 1-й книге Паралипоменон из Геннадиевской библии 1499 г. В центре внимания находятся при этом относительные предложения с релятивизаторами *иже*, *который*, *кой* и *что*. На основании полученных данных в заключительной части статьи делаются предварительные предположения о возможной роли латинского языка в истории европеизации русского письменного синтаксиса и о связи синтаксических «нововведений» с традициями языкового употребления в церковнославянских книжных текстах.

Ключевые слова: относительное подчинение, релятивизатор *который*, переводы с латинского, влияние церковнославянского, внутриславянский языковой контакт, европеизация синтаксиса.

История относительных предложений в русском языке — одна из наиболее актуальных тем современной исторической русистики. В последние годы она затрагивалась в работах И. Мендозы [Mendoza 2008], А. Мурелли [Murelli 2011: 297–369], О. В. Митрениной [Mitrenina 2012], Ф. Р. Минлоса [Minlos 2012], А. Даниленко [Danylenko 2014: 194–195; 2018: 375–377] и др. Особенный интерес в рамках предлагаемой статьи представляет, однако, исследование Р. Майера, вышедшее в 2017 г. в посвященном историческому синтаксису выпуске журнала «Language» [Meyer 2017]. Р. Майер датирует происхождение современных относительных предложений с местоимением *который* XVI–XVII вв. и объясняет их как результат внутриславянского языкового контакта, а именно влияния на русский язык польского через посредство «рутенского» языка, или простой мовы, как его обычно принято называть:

[... T]he career of *kotoryj* should [...] be ascribed to an (earlier) inner-Slavic situation of language contact, namely the influence of Polish on Russian during the time of the Polish-Lithuanian ‘Real Union’ (1569–1795). [...] The main route of borrowing, however, led through Ruthenian, the common historical predecessor of Belorussian and Ukrainian. In the seventeenth century, the so-called *prosta mova* ‘simple speech’, a variety based on the East Slavic vernacular with massive loans from Polish, had acquired the function of a written standard language in the Ruthenian territories. [...] The Ruthenian scribes enjoyed a high reputation in Moscow and exerted influence not only on Church Slavonic [...] but also on the Russian literary and chancellery language through their work for the central printing institution, the *pečatnyj dvor* [Meyer 2017: e106–e107].

The Russian relative pronoun *kotoryj* is an innovation based on the influence of West Slavic Polish on East Slavic varieties, spread into Russian via the layer of so-called ‘interference’ texts. This and other facts support the hypothesis of a contact-induced change to *kotoryj* in Russian relative clauses in the sixteenth/seventeenth century [Ibid.: e111].

Этим выводом Р. Майер опровергает утверждение А. Исаченко о том, что до конца XVII в. в русском языке якобы не было относительных предложений с местоимением *который* в постпозиции к вершине именной группы, т. е. к определяемому имени (к антецеденту) [Issatschenko 1983: 512–513]. Согласно А. Исаченко, до конца XVII в. по-русски невозможно было образовать предложения типа *Профессор, с которым ты переписывался, давно умер* [Ibid.: 513]. Примерам таких предложений, например, в Новгородской I летописи, А. Исаченко не придавал значения, очевидно, считая их слишком малочисленными и случайными [Ibid.]. По поводу основанного на анализе текстов вывода Р. Б. Кершиене о ведущем положении в старорусских памятниках XV–XVII вв. «определительны[х] предложени[й], присоединяемы[х] к главному местоимением *который*» [Кершиене 1973: 7], А. Исаченко замечал:

Allerdings unterscheidet sich die Verwendung des Pronomens *который* in der älteren Sprache ganz wesentlich von der heutigen. Zum einen steht das Pronomen in der Regel im Vordersatz (und hat deshalb die Bedeutung eher ‘derjenige, welcher’), zum

anderen wird in der Rechtssprache *который* mit dem Nomen zu einem Syntagma verbunden, wie etwa im Deutschen: ‘... eine Erklärung, *welche Erklärung* auch vorgelegt wurde’ [Issatschenko 1983: 513].

‘Тем не менее использование местоимения *который* в старорусском языке существенно отличается от сегодняшнего. Во-первых, местоимение, как правило, находится в предшествующем предложении (и потому, скорее, имеет значение ‘тот, кто/который’). Во-вторых, в языке права *который* связывается вместе с существительным в одну синтагму, как, например, в немецком языке: ‘... объяснение [*декларация?*], *какое [-вая?]* бы объяснение [*декларация?*] ни было [-ла?] представлено [-на?].’

Конструкция с постпозицией относительного предложения, вводимого относительным местоимением, согласующимся по роду и числу с определяемым именем в матричном (главном) предложении, по А. Исаченко, была знакома только церковнославянскому языку (с его относительным местоимением *иже*) [Ibid.: 512]:

Es muß noch einmal mit allem Nachdruck unterstrichen werden, daß die ostslavische Volkssprache keine echten Relativpronomina oder -adverbien kannte. Deshalb finden wir im ältesten Schrifttum der Dokumentation zunächst keine echten Relativsätze. [...] [...] selbst im 17. Jh. [existierten] (außerhalb der Hochsprache) noch keine echten Relativsätze [...] [Ibid.: 512–513].

‘Еще раз следует категорически подчеркнуть, что народный восточнославянский язык не знал настоящих относительных местоимений или относительных местоименных наречий. Поэтому в древнейших деловых памятниках невозможно найти настоящих относительных предложений. [...] [...] и даже в XVII в. настоящие относительные предложения все еще не существовали вне высокого языка. [...].’

Ошибочность этого утверждения А. Исаченко не вызывает сомнения. Так, еще в монографическом исследовании В. И. Троицкого об относительных предложениях в не книжных текстах, близких к живому разговорному языку, на большом числе примеров было показано, что относительные придаточные с местоимением *который*, «по своей структуре одинаковые с современными», были в XVI–XVII вв. уже достаточно распространенным явлением [Троицкий 1968: 200 и разбор примеров на стр. 145–147, 165–167, 170–171]. А. Исаченко не учитывал результатов этого исследования. (Здесь, однако, следует заметить, что второй том его «Истории русского языка» был сдан в печать после его смерти и представляет собой не законченную книгу, а лишь предварительные заметки автора.)

В 1980-е — 1990-е гг. тезис А. Исаченко развивала Герта Хютль-Фольтер, пытавшая доказать на анализе трех русских переводов с французского, что современные относительные предложения в русском языке получили распространение только в XVIII в. под влиянием французского языка [Хютль-Фольтер 1987: 280–284; Hüttl-Folter 1996: 35–71]. Несостоятельность выводов Г. Хютль-Фольтер иллюстрируется

в упомянутой выше статье Р. Майера, показавшего на основе статистического анализа, что экспансия употребления относительного местоимения *который*, согласованного с антецедентом, начинается примерно в XVII в. («we observe the expansion of *kotoryj* ‘which’ (in this function) roughly since the seventeenth century» [Meyer 2017: €106]). В выборке текстов из Вестей-Курантов за 1656–1665 гг. (тексты 0–24), по данным Р. Майера, из 262 постпозитивных относительных предложений в 212 в качестве маркера подчиненной относительной связи используется именно релятивизатор *который*: «In our sample of the Vesti-kyranty (i.e. No. 0–24 (1656–1665) [...], the relative marker *kotoryj* greatly predominates (212 of 262 relative clauses) [...]» [Ibid.].

Еще раньше В. М. Живов в статье-рецензии на книгу Г. Хютль-Фольтер [Hüttl-Folter 1996] оспорил выводы исследовательницы, обратив внимание на многочисленные примеры в текстах второй половины XVII в. предложений с относительным местоимением *который*, согласованным с определяемой именной группой [Живов 1997: 60–64]; см. также [Живов 2017: 963–969]. Главный упрек В. М. Живова к методам исследования Г. Хютль-Фольтер заключается в том, что, сделав вывод об относительных конструкциях как инновации XVIII в., исследовательница не учла языкового материала предыдущих эпох, при том что «оценить новизну проанализированных синтаксических конструкций можно лишь на фоне аналогичных данных для более ранних периодов (прежде всего XVII в.)» [Живов 1997: 61]. В. М. Живов исходит из того, что современные относительные предложения в русском языке как синтаксическая конструкция развились под влиянием церковнославянского языка, в котором они утвердились под влиянием греческого языка, при этом на русской почве в рамках существующей относительной конструкции произошла лексическая замена: церковнославянский релятивизатор *иже* был заменен на русский релятивизатор *который*¹:

Перелом [в XVIII в. — *И. П.*], видимо, и в самом деле имел место, и внешние [французские. — *И. П.*] образцы сыграли в нем определенную роль, однако вряд ли при этом стоит преуменьшать значение преемственности. Относительные союзы *иже*, *яже*, *еже* действительно перестают употребляться в текстах XVIII в., и их место занимает союз *который*, однако это по существу лексическая замена, не меняющая сама по себе синтаксического построения. При этом нет никаких оснований думать, что в данном изменении как-либо сказалось французское влияние [Там же: 61].

В статье 1986 г. В. М. Живов показал на примере перевода «Географии генеральной» Бернарда Варения, как Софроний Лихуд (автор корректур, по В. М. Живову) русифицировал изначально более церковнославянизированный перевод Федора Поликарпова: среди прочих морфологических и синтаксических изменений Лихуд достаточно

¹ О влиянии церковнославянских относительных конструкций с *иже* на формирование современных конструкций с *который*, *кто*, *что* в конце 1960-х гг. писал еще В. И. Троицкий: «Под этим воздействием закрепляются, по-видимому, ставшие нормой в национальном литературном языке особенности порядка слов и положения придаточной части по отношению к поясняемому слову главной в сложном предложении с относительным местоимением *который*» [Троицкий 1968: 250].

последовательно заменил *иже* на *который*, оставив при этом саму конструкцию без изменений [Живов 1986: 253]. Замена релятивизатора *иже* на *который* в начале XVIII в. была одним из методов устранения признаков книжности и целенаправленного разрыва с церковнославянской традицией [Живов 2017: 964]. В вышедшей *posthum* книге В. М. Живова еще раз настоятельно подчеркивается преемственность кажущихся нововведений по отношению к предшествующей письменной традиции:

Относительное подчинение было широко представлено в синтаксисе книжных регистров письменного языка, входило в навыки книжного изложения, и трансформация этих навыков состояла лишь в том, что вместо одного относительного местоимения авторы новых текстов стали употреблять другое. Синтаксическое построение при этом никак существенно не изменилось [...] [Там же].

В содержательно и методически очень интересной статье Р. Майера, к сожалению, не учитываются работы В. М. Живова 1986 и 1997 гг. и его полемика с Г. Хютль-Фольтер. Объявляя относительные предложения современного типа инновацией XVII в., вошедшей в язык под польско-рутенским влиянием, Р. Майер допускает ошибку Г. Хютль-Фольтер: он не учитывает языкового материала предшествующих эпох. В статье Р. Майера не предлагается сравнения с текстами XV–XVI вв., несмотря на то что автор эксплицитно подчеркивает: «the fifteenth to seventeenth centuries was the decisive period of development toward the modern standard» [Meyer 2017: e105] и в заключительной части своего исследования делает вывод об изменениях в системе относительного подчинения, имевших место также уже в XVI в. (см. цитату выше). Статистические данные, с которыми Р. Майер сравнивает результаты своего исследования «Вестей-Курантов», основаны на анализе текстов, составивших 15-й и 16-й тома «Библиотеки литературы Древней Руси» [Ibid.: e107]. Однако оба тома содержат тексты XVII в. (даже если некоторые из этих текстов по содержанию относятся к XVI в.). Позволим себе перенести на выводы Р. Майера замечание, сделанное В. М. Живовым по поводу выводов Г. Хютль-Фольтер:

Это общее заключение, видимо, справедливо, однако, на наш взгляд, оно требует определенных уточнений. Уточнить следует, что именно было инновацией и какие именно инновативные черты обусловлены [польским. — И. П.] влиянием [Живов 1997: 61] (в связи с книгой Г. Хютль-Фольтер у Живова речь идет о французском влиянии).

Польское влияние на синтаксис русского литературного языка вне всяких сомнений имело место (см. подробно [Moser 1998]), и мы не оспариваем этого факта. Однако в случае с относительным подчинением оно заключалось, думается, не в том, что конструкция вместе с релятивизатором была заимствована из польского через посредство простой мовы, а в том, что польский и рутенский языки (проста мова) сыграли стабилизирующую роль в стандартизации этой конструкции в русском языке. При этом, по данным наших исследований, ни в коем случае нельзя считать относительные предложения с местоимением *который* в постпозиции к антецеденту инновацией XVII в.

Цель предлагаемой статьи — предложить обстоятельный анализ системы определительных относительных предложений в переведенной с латинского языка 1-й книге Паралипоменон из Геннадиевской библии 1499 г. Это позволит нам сделать новые наблюдения о развитии относительных конструкций с местоимением *который* до XVII в. и о роли в этом процессе внутриславянского языкового контакта, а также предложить ответ на вопрос, в чем могло проявляться влияние латинского языка на формирование синтаксиса русского литературного языка.

Относительное подчинение в Геннадиевской библии: постановка вопроса, источники

Еще Ф. И. Буслаев обращал внимание на частое употребление относительных предложений, вводимых местоимением *который* в Геннадиевской библии: «*Который*, в значении относительного местоимения, весьма употребительно уже в Библии 1499 г.» [Буслаев (1959)²1863: 529]. Г. Фрайдхоф в качестве одной из языковых особенностей Геннадиевской библии подчеркивал разнообразие релятивизаторов:

Neben dem Relativpronomen *иже*, *иже*, *еже*, das sehr häufig nicht mehr in der grammatischen Kongruenz gebraucht wird, und dem die Kongruenz während Relativpronomen *которыи*, *-а*, *-я*, *-о* ist in GB bisweilen unter dem Einfluß der Umgangssprache das Relativum *что* in Nominativ und Akkusativ für alle Genera, vorzugsweise aber im Sg. gebräuchlich [Freidhof 1972: 140].

‘Наряду с относительным местоимением *иже*, *иже*, *еже*, которое очень часто употребляется грамматически несогласованно [с определяемым именем. — *И. П.*] и сохраняющим согласование относительным местоимением *которыи*, *-а*, *-я*, *-о*, в Геннадиевской библии под влиянием разговорного языка время от времени используется релятивизатор *что* в именительном и винительном падежах всех родов, однако преимущественно в единственном числе.’

Наблюдения Г. Фрайдхофа вызывают значительный интерес, тем не менее остаются открытыми вопросы о соотношении употребления различных определительных относительных местоимений в этом памятнике:

— Что значит *частое* несогласованное употребление церковнославянского *иже*: как часто оно имеет место и чем объясняется несогласованность определяемого и определяющего — ошибкой переводчика или писца, влиянием латинского оригинала или другими факторами?

— Что значит *наряду*: *которыи* употребляется так же часто, как *иже*, и в тех же самых конструкциях, т. е. может полностью заменять *иже*, или встречается всего несколько раз, но при этом чаще, чем *что*?

— Что значит использование релятивизатора *что* «время от времени»: в скольких случаях он употребляется и что это за конструкции?

— Используется ли в Геннадиевской библии также относительное местоимение *кои*? Этот вопрос тем более оправдан, что в качестве переводчика «латинских» книг предполагается хорват Вениамин [Ромодановская 2010].

Конечно, языковые исследования Геннадиевской библии значительно затрудняются тем фактом, что текст до сегодняшнего дня остается неизданным. Но, поскольку с латинского языка были переведены всего лишь несколько книг (см. перечень [Там же]), обстоятельный анализ конкретных языковых феноменов в этих книгах представляется вполне выполнимой задачей, особенно когда анализ проводится поэтапно, будучи сконцентрированным на отдельных книгах Библии.

В дальнейшем предлагается систематический обзор относительных конструкций, вводимых местоимениями-прилагательными *иже/которыи/кои/что* в 1-й книге Паралипоменон. При этом мы следуем методике анализа, разработанной в книге Г. Хютль-Фольтер, адаптируя критерии классификации к языковым особенностям перевода с латыни. Сначала мы обратимся к вопросу о воспроизведении в славянском переводе синтаксических образцов латинского оригинала. Особый акцент будет при этом сделан на тип антецедента (именная группа без или с детерминантом, коррелятивное местоимение и др.) и на позицию относительного придаточного по отношению к матричному предложению: находится ли подчиненное предложение в препозиции, постпозиции или в интерпозиции и совпадает ли эта позиция с латинским оригиналом. В заключительной части в виде сводной таблицы будет представлена частота употребления для каждого относительного местоимения; кроме того, будет описана полная парадигма относительных местоимений проанализированного русско-церковнославянского переводного текста. Все это вместе позволит в полном объеме показать, как в области относительного подчинения латинский синтаксис оригинала проецировался на русско-церковнославянский языковой материал.

Источником предлагаемого исследования является текст Геннадиевской библии [ГБ] по рукописи ГИМ, Синод. собр. 915, представляющей собой «наиболее ранн[ую] сохранивш[ую]ся полностью рукопись библейского кодекса», которая датируется 1499 г. [Горский, Невоструев 1855: 1–164; Ромодановская 2010]. Для выявления характерных именно для Геннадиевской библии переводческих решений и связанных с ними особенностей языкового употребления в ряде случаев проводилось сравнение с переводами соответствующих мест в Острожской библии 1581 г. [ОБ], Московской библии 1663 г. [МБ] и в Синодальной русской библии [СР].

Латинский текст Вульгаты цитируется по изданию «*Biblia sacra vulgata*», вышедшему в серии «*Sammlung Tusculum*» [Hieron. Vulg.]. Для сравнения привлекается учитывающее разночтения издание Бонифация Фишера «*Biblia sacra iuxta Vulgatam versionem*» [Bibl. Vulg.]. Кроме того, в ряде случаев было необходимо сверить цитируемые места с латинским изданием Библии Антона Кобергера, вышедшим в Нюрнберге в 1487 г. Как известно, это издание среди прочего содержит комментарии к библейскому тексту Николая де Лиры — «*Biblia cum postillis Nicolai de Lyra*» [Bibl. c. post.]. Предполагается, что в Геннадиевском кружке как возможный источник перевода использовалось одно из нюрнбергских изданий Кобергера: или издание, вышедшее в 1485 г., или же издание 1487 г. [Ромодановская 2010].

Поскольку предметом исследования в настоящей статье является только 1-я книга Паралипоменон, при цитировании латинского источника в круглых скобках

делаются ссылки только на главу и на соответствующий стих — без указания книги. При цитировании других книг Библии перед главой и стихом называется также книга. Цитаты со славянским переводом сопровождаются указанием листа по рукописи Син. 915 (ГБ) или по изданиям ОБ и МБ.

Предложения с относительным местоимением *иже*

Относительные предложения, вводимые церковнославянским местоимением *иже*, являются наиболее частотными в переводе 1-й книги Паралипоменон: мы насчитали 155 таких предложения. Они представляют собой различные типы конструкций с точки зрения:

- (1) морфосинтаксиса, т. е. согласованности по роду и числу с определяемым именем (антецедентом), грамматической формы относительного местоимения и его синтаксической функции внутри придаточного предложения, а также
- (2) расположения относительного придаточного по отношению к матричному предложению: пре-, интер- или постпозиция внутри предложения.

Формы мужского рода

Большая часть относительных предложений с *иже* встречается в конструкциях с **именным антецедентом** мужского рода единственного и множественного числа именительного падежа, при этом на единственное число приходится 34 конструкции, на множественное — 32. В значительно меньшем количестве случаев формы относительного местоимения *иже* мужского рода употребляются в косвенных падежах: три раза в РП ед. ч., девять раз в ДП ед. ч., три раза в ВП ед. ч. и два раза в ВП мн. ч.

Образование конструкций **ИП** м. р. не доставляло сложностей переводчику. Даже в случаях, когда в латинском оригинале антецедент и определяющее его относительное местоимение имели иную грамматическую форму, это, как правило, не смущало переводчика:

- (1) и цѣтвова въз єго мѣсто сдѣлз ѿ роѡводѣ. иже близъ амнемъ [*in marg.: рѣка*] поставленъ ѿ (f.236r) — et regnavit pro eo Saul de Rooboth quae iuxta amnem sita est (1:48);
- (2) и поразиша ѡстанкы иже ѡйти не могоша ѡмалехитѡ (f.238v) — et percusserunt reliquias quae evadere potuerant (4:43);
- (3) и погребоша кости єго по дѣбѡ иже бѣ въз ѡдвесь (f.243r) — et sepelierunt ossa eorum subter quercum quae erat in Iabes (10:12);
- (4) И сниде дѣдѣ и всакъ мѣжь ѡйла къ холмѣ кариаѡ/ѡ/и/ѡ/римъ иже ѿ въз ѡудей (f.245r) — et ascendit David et omnis vir Israhel ad collem Cariathiarim quae est in Iuda (13:6).

Особенно показателен пример (1): заканчивающееся на согласный название города согласуется в русско-церковнославянском переводе с определяющим относительным местоимением мужского рода, хотя в латинском тексте предикативное ядро в соответствующем относительном придаточном имеет форму женского рода. В ОБ и МБ топоним *Ровводъ* также употребляется в м. р.: и *цѣтѣва въ ѣго мѣсто слоуль ѿ ровѣда, ѣже блѣзъ рѣки* (ОБ: f.185v; ср. МБ: f.151v). При этом очевидно, что переводчик ГБ одновременно стремился достаточно точно следовать латинскому оригиналу. Так, он заимствовал в перевод латинизм *амнемъ* (лат. ИП *amnis* — ВП *атнет*, ср. [Горский, Невоструев 1855: 47]), несмотря на то что заимствование не является именем собственным². (В ОБ и в МБ латинизм был переведен.) Однако таким образом можно было подчеркнуть, что референт топонима *Ровводъ* в данном случае отличен от референтов омонимичных топонимов, упоминаемых в других книгах Библии (см. лемму *Ровводъ* в [Библ. Энци. III: 160])³. Как латинское заимствование, так и адаптация морфосинтаксиса к русским языковым моделям свидетельствуют, скорее всего, об осознанных решениях переводчика.

В одном случае с точки зрения современных языковых представлений может показаться, что относительное придаточное не согласовано по числу с антецедентом:

- (5) *Пойде въ іѡавъ и людѣ ѣже сѣи въ противъ сѣра къ ѡполченію* (f.248v) — *perrexit ergo Ioab et populus qui cum eo erat contra Syrum ad proelium* (19:14).

Это подозрение усиливается за счет того, что в другом месте та же самая форма *ѣже* в относительной конструкции с глаголом *быти* согласуется во множественном числе:

- (6) *Сътвори же себѣ пакы діадемѣ. плѣны же ѡрбисѣ [in marg.: грѣскы] многы възалъ. людѣ же ѣже въхѣ в ѣнемъ ѣзвелъ* (f.249r) — *fecitque sibi inde diadema manubias quoque urbis plurimas tulit populum autem qui erat in ea eduxit* (20:2–3).

Однако можно назвать ряд причин, не позволяющих считать пример (5) ошибочным. Прежде всего, здесь невозможно полностью исключить влияние латинского оригинала: ед. ч. антецедента и определяющего его относительного предложения могло поддерживать осмысление собирательного имени *людие* в значении ‘народ’ как *люд.* Думается, скорее всего, мы здесь имеем дело с *constructio ad sensum*, которая, например, в латинском языке употреблялась часто именно с собирательными именами (см. [Menge ³2007: 329–332] и на примере переводов

² Г. Фрайдохф подчеркивает явную склонность переводчика ГБ к латинизмам [Freidhof 1972: 55]. А. В. Горский и К. И. Невоструев полагают, что стремление переводчика ГБ оставлять латинские лексемы без перевода следует связывать не обязательно с его недостаточными знаниями латинского языка, но, возможно, также с тем, что он хотел ‘придать своему переводу более достоинства [...]’. Такая привычка пестрить свою речь иностранными словами, и именно Латинскими [...], известна у писателей Польскихъ въ цветущее время ихъ словесности“ [Горский, Невоструев 1855: 48, прим.].

³ Как известно, при переводе Геннадиевской библии использовались различные справочные пособия, объясняющие библейские места. В число этих пособий входили как комментарии (постилы) к библейским книгам, так и толковый словарь Рейхлина [Ромодановская 2001; 2004; 2010]. Поэтому предположение, что переводчик в данном случае выяснил значение топонима, вполне оправданно.

Курбского [Bounatirou 2018: 385]). Лексема *люд* встречается, например, в текстах второй половины XVII в., связанных с именем Епифания Славинецкого. Так, в «Алфавитарь ради учения малых детей» был включен отрывок из речи Епифания, начинающийся евангельской цитатой: *Людъ съдѣацій во тмѣ видѣ свѣтъ вѣлій* (Мф 4:16) [Алф.: 280], см. [Подтергера 2015: 236–237]. В списках Евангелия, перевод которого также связывается с деятельностью Епифания Славинецкого, в этом же самом месте наблюдается показательное варьирование лексов вокабулы *люди*⁴: (1) *Людѣа съдѣаій во тмѣ видѣ свѣтъ вѣлій* [SlavynEv: Mt 4:16] vs. (2) *лѣдъ съдѣаій во тмѣ видѣ свѣтъ вѣлій* [SlavynNT: Mt 4:16]. При этом в обоих списках лексы употребляются в форме ед. ч. м. р., что следует из формы согласованного с ними причастия. Лексема *люд* была известна как южно-, так и западнославянским языкам [ЭССЯ 15: 194–200]. Кроме того, она была достаточно распространенной в восточнославянской письменности. В СлРЯ XI–XVII вв. [8: 341] она фиксируется с XVI в. Поиск в старорусском подкорпусе НКРЯ показывает, что она многократно встречается у Курбского: в «Истории о великом князе Московском», в Предисловии к «Диалектике» Иоанна Дамаскина и в Предисловии к «Новому маргариту». Она также зафиксирована у Афанасия Никитина в его «Хождении за три моря» (XV в.), в «Повести о взятии Царьграда турками в 1453 г.» (XV в.), в «Казанской истории» (XVI в.) и др. Еще один любопытный пример обнаруживается в «Житии Александра Невского»: в редакции текста, составленной во второй половине XVII в., словоформа *людие* как вершина именной группы согласуется с относительным предложением в ед. ч., при этом с предикатом, включающим глагол *быти*: «По нѣколицѣхъ же днехъ обрѣтоша нѣцыи людие, иже бѣ гараздо знающе его, честную его и святую главу» [ЖАН: 206]. Кроме того, следует учитывать широко распространенное в восточнославянской письменности с XIV в. использование аориста без согласования по числу [Успенский 2002: 220–225, 238–247; Bounatirou 2018: 523–527]. Таким образом, пример (5) не является грамматической аномалией, а находит объяснение с точки зрения языкового узуса, к которому он восходит.

В следующем случае нет оснований полагать, что переводчик образовал в славянском тексте относительное предложение или, по крайней мере, относительное местоимение и тем самым якобы отступил от латинского оригинала:

- (7) *Семей иже [sic!] сѣдъ его рожені сѣтъ сѣве [...]* (f.252r) — *Semeiae autem filio eius nati sunt filii [...]* (26:6) — ср.: *Semeie aut[em] filio eius nati sunt filii [...]* [Bibl. c. post.: Bildnr. 886/f.441v].

Сравнение с латинским текстом показывает, что в славянском переводе здесь, несмотря на маркирование спиритусом начала нового слова, следует иначе проводить словораздел, а именно ⟨Семей жѣ⟩ в соответствии с ⟨Semeiae autem⟩. Избыточное ⟨и⟩ возникло, скорее всего, как результат слогового произношения *и* в конце слова (см. анализ подобных написаний в рукописи Курбского в [Bounatirou 2018: 117–118]).

⁴ Мы следуем различению терминов *лексема* — *вокабула* — *лекс*, принятому в [Bounatirou 2018: 24–26].

Предложение (8) также не содержит отступления от латинского источника, поскольку в издании Кобергера определение к имени *Аммиуд* также выражено относительным предложением:

- (8) [...] λαάδανζ. Сего же снѣзъ аммиѣдъ иже рѣ" элизама (f.231r) — [...] Laadan huius quoque filius Ammiud genuit Elisama (7:26) — ср.: [...] laadan. Huius q[u]o[que] filius ammiud q[ui] genuit elizama [Bibl. c. post.: Bildnr. 865/f.431r; см. также разночтения в Bibl. Vulg.: 557].

В двух случаях в латинском источнике относительные предложения имеют целевое значение, которое в латинском языке передается сочетанием относительного местоимения с предикатом в конъюнктиве:

- (9) Постаѡи прѣ кивотоу гнѣмъ ѡ леѡитѣзъ иже ѡи сдѣжили и да поманѣтса дѣла его (f.246v) — *constituitque coram arca Domini de Levitis qui ministrarent et recordarentur operum eius* (16:4);
- (10) Сего ради дѣдъ и мастеръ [in marg. ето магистратѣ] воины ѡдѣчиша въ сдѣжѣзъ снѣвъ ѡсафовъ и еманъ и идидумль. иже проръсѣвѣю въ гѣслѣ и ѡалтырѣ и кимбалѣ [...] (25:1) — *igitur David et magistratus exercitus secreverunt in ministerium filios Asaph et Heman et Idithun qui prophetarent in citharis et psalteriis et cymbalis [...]* (25:1; f.251v).

В примере (9) в славянском переводе целевое значение в первом случае передано формой глагола в сослагательном наклонении в относительной конструкции, во втором случае — юссивом с частицей *да* (см. целевые и оптативно-императивные конструкции с частицей *да* в [Успенский ³2002: 259–260; Пичхадзе 2010; Vounatirou 2018: 628–632]). Смена конструкции для передачи предиката *recordarentur*, надо думать, вызвана тем, что переводчик прочитал латинский отложительный глагол как пассивную форму. Тем не менее фразу *qui ministrarent* он передал с помощью относительной конструкции (о синонимии конструкций типа «чтобы они» и «которые бы» см. в грамматике латинского языка [Соболевский 1998: 272, § 940]). Поэтому в приводимой ниже статистике пример (9) также учитывается среди относительных предложений. В примере (10) целевое значение относительной конструкции передано формой настоящего-будущего времени. Такое употребление чистых презентных форм также засвидетельствовано в восточнославянской письменности — на примере оптативно-императивных конструкций [Пичхадзе 2010: 14–15; Vounatirou 2018: 629]. Однако оптативно-императивные конструкции могут также иметь целевое значение [Успенский ³2002: 259]. Мы исходим из того, что выбор формы настоящего-будущего времени в данном случае был осознанным и что переводчик передавал таким образом целевое значение латинского придаточного, оставаясь при этом в рамках относительного предложения. Поэтому данный случай также учтен в заключительной статистике среди относительных предложений.

От описанных явлений следует отличать другой языковой феномен, а именно относительное присоединение (*coniunctio relativa*, Relativischer Anschluss) [Hofmann,

Szantyr 1997: 569–572]. Его особенность заключается в том, что относительное местоимение выполняет функцию личного или указательного местоимения, при этом оно вводит не придаточное, а главное предложение:

- (11) Трѣ во тѣ посредѣ ѡбстоянїа филистимѡ поидоша и почерпыше водѣ ѡ кладѣаза ведлема иже бѣ въ вратѣхъ и принесоша къ дѣдѣ да пїетъ. Иже не хоташе но и паче лезнѣ тѣ гѣи глѡуще. [...] (f.243v) — tres ergo isti per media castra Philistinorum perrexerunt et hauserunt aquam de cisterna Bethleem quae erat in porta et adtulerunt ad David ut biberet qui noluit sed magis libavit illam Domino dicens [...] (11:18) — ср.: Tres ergo isti p[er] media castra philistinorum p[er]rexer[un]t et hauserunt aquam de cisterna bethleem q[uae] erat in porta et attulerunt ad D[avi]d ut biberet. Qui noluit s[ed] magis libavit illam d[omi]no dicens. [...] [Bibl. c. post.: Bildnr. 870/f.433v];
- (12) Кто во ѣ иный іако людіе твои іиль іазыкѣ єдинѣ на земли ѡ которого проиде бѣ да избави и сътворити люди себѣ и величества своего и страшны ізгонї родовъ ѡ лица єго иже ѡ єгѣпта избави (f.247v) — quis autem est alius ut populus tuus Israhel gens una in terra ad quam perrexit Deus ut liberaret et faceret populum sibi et magnitudine sua atque terroribus eiceret nationes a facie eius quem de Aegypto liberarat (17:21). — ср.: Quis e[ni]m est alius ut p[o]pulus tuus isr[ahel] gens una in terra ad quam p[er]rexit deus ut liberaret et faceret p[o]p[u]l[u]m sibi: et magnitudine sua atq[ue] terrorib[us] eijceret nat[i]ones a facie eius quam de egypto liberaret: [...] [Bibl. c. post.: Bildnr. 878/f.437v].

В примере (11) референтом местоимения *иже/qui* в последнем предложении является упоминаемый в предыдущем предложении *Давид*. Однако при прочтении *иже/qui* как ‘который’ и при подчинении тем самым последнего предложения предыдущему значительно усложнится синтаксическая структура, что осложнит понимание текста из-за перенасыщения информацией, поскольку две самостоятельные коммуникативные единицы с собственным актуальным членением будут объединены в одну. Начало нового предложения в славянском переводе, как и в латинском издании Кобергера маркировано на уровне пунктуации и орфографии: после придаточной целевой конструкции *да пїетъ/ut biberet* поставлена точка, а следующее предложение начинается с большой буквы. Это неслучайное совпадение; известны также другие переводы с латинского языка, в которых переводчик следовал пунктуации латинского источника (см. на примере Курбского [Bounatirou 2018: 489–490]). Таким образом в славянских переводах одновременно сохранялась коммуникативная структура латинских предложений [Ibid.: 489]. Варианты перевода в Острожской и в Московской библии, исходящие из греческого источника, подтверждают тот факт, что с *qui noluit* начинается новая коммуникативная единица и что местоимение *qui* в данном случае больше не функционирует как относительное: И трѣ тїи проїдѡша посредѣ ѡбстоянїа иноплемѣническа. и почрпыше водѣ ѡ кладѣаза иже въ видѣемѣ, иже бѣ во вратѣхъ. и принесоша къ дѣдѣ да пїетъ. и не хоташе дѣдѣ пїти еѣ и возлѣа ю гѣи. И рѣ [...] [ОБ: f.190v]; ср. [МБ: f.156r]. В примере (12) местоимение *иже/quem/(quam)*

отсылает к имени людїе/*populus* (в издании Кобергера к *gens/языкъ*, что не меняет смысла предложения). Однако антецедент отделяется от предполагаемого определения, которое должно быть выражено относительным предложением, тремя придаточными. Такое дистантное расположение делает относительную связь невозможной, поскольку не позволяет образовать именную группу с вершиной в матричном предложении и примыкающим к ней определением в виде относительного предложения. Дистантное расположение, таким образом, не допускает прямую постпозицию придаточного предложения. Примеры (11) и (12) мы не рассматриваем как примеры относительных предложений. Это так же касается употребления местоимения *иже* в м. р. мн. ч. еще в двух стихах 1-й книги Паралипоменон: 19:2 (f.248r) и 19:5 (f.248v). И в этих случаях мы имеем дело с относительным присоединением.

Формы **косвенных падежей** м. р. относительного местоимения *иже*, как было показано выше, встречаются значительно реже. Из трех словоформ в **РП** ед. ч. две имеют посессивное значение и соответствуют в латинском источнике местоимению *cuius*, а одна используется в конструкции с предлогом *от* как эквивалент латинской предложной группы *ex quo*:

- (13) Но и сеи Ѹмре и цѣрѣвова въ его мѣсто ададъ. егоже града има въ фадъ (f.236rv) — sed et hic mortuus est et regnavit pro eo Adad cuius urbis fuit nomen Phou (1:50);
- (14) снѣ же Соломонъ робоамъ: егоже авиа снѣ роди аса (f.237v) — filius autem Salomonis Roboam cuius Abia filius genuit Asa (3:10);
- (15) [...] иорамъ роди иоазъ: ѿ негоже роженъ е иоазъ (f.237v) — [...] Ioram genuit Ohoziam ex quo ortus est Ioas (3:11).

Важно заметить, что пример (15) представляет собой один из редких случаев (а для мужского рода даже единственный) употребления формы относительного местоимения *иже* в предложной группе.

Конструкции, в которых используется **ДП** местоимения *иже* м. р. ед. ч., передают три значения: посессивное, характеризующее и объектное:

- (16) снѣ же ананїи фалтїасъ вѣць есенїе. емдже снѣ рафанъ. томд же снѣ арнавдъ: ѿ которого родиса авдїа: емдже снѣ въ сехенїа. снѣ сехенїи: семена: емдже снѣ аттѣсъ и егїадлз и варїа и надрїа. и сафатъ и сеса шесть числѣ. (f.237v) — filius autem ananie phaltias pater Ieseiae cuius filius Raphaia huius quoque filius Arnam de quo natus est Obdia cuius filius fuit Sechenia filius Secheniae Semeia cuius filii Attus et Iegal et Baria et Naaria et Saphat sex numero. (3:21–22) — *Filius autem ananie phaltias pater hiesieie: cuius filius raphaia. Huius q[uoque] filius aruau: de quo natus est obdia: cuius filius fuit sechenias. Filius sechenie: semeia: cuius filii Attus et egiaal et baria et naaria et saphat et sesa sex numero. (3:21–22);*
- (17) И тои порази мджа егїптанина емдже възраетъ въ пѣ лакѣ: (f.243v) — et ipse percussit virum aegyptium cuius statura erat quinque cubitorum (11:23);
- (18) И сътвори вса и съзиже домъ емдже расхѣ Ѹготовѣ. (f.255r) — et faciat universa et aedificet aedem cuius inpensas paravi (29:19).

В примере (16) зафиксированы сразу три possessивных относительных придаточных, вводимых согласно церковнославянской традиции словоформой ѓмѣже (в дательном притяжательном), которая передает латинское относительное местоимение *cuius* в РП в possessивном значении. В двух придаточных выпущена при этом связка *est* (об эллипсисе связки в латинском языке см. [Hofmann, Szantyr 1997: 419–421]; и особенно [Stotz 1998: IV, 375–377, § 94.1–5]), что также нашло отражение в славянском переводе. Показательно следование переводчика пунктуации латинского издания: относительные предложения как новые коммуникативные сегменты маркируются двоеточием. Вводимые формой ѓмѣже possessивные относительные придаточные встречаются по меньшей мере еще четыре раза: 1:34 (f.236r), 8:37 (f.241v), 20:5 (f.249r) и 26:25 (f.252v); в последнем также выпущена связка. В примерах (17) и (18) дательный падеж ѓмѣже вновь соответствует относительному местоимению *cuius*, и конструкции с дательным падежом передают характеризующее (17) и объектное (18) значение.

ВП представлен как единственным, так и множественным числом. При этом, если формы РП и ДП м. р. образовывались согласно церковнославянскому стандарту, в формах ВП ед. ч. есть отклонения от стандарта, которые, однако, находят объяснение в языковом узусе. В двух случаях в славянском переводе с именем мужского рода согласовано относительное местоимение в форме ѓже. В латинском оригинале в соответствующих местах и antecedent, и местоимение имеют форму ж. р. ВП:

- (19) в домѣ ѓже създа Соломонъ (f.229r) — in domo quam aedificavit Salomon in Hierusalem (6:10) и
 (20) по всѣмъ ѓже писана сѣть в законѣ гнѣ ѓже повелѣ ѓлю (f.246v) — [...] iuxta omnia quae scripta sunt in lege Domini quam praecepit Israheli (16:40).

В русско-церковнославянском переводе в ВП ж. р. ожидалась бы форма ѓже, поэтому в данных случаях невозможно с уверенностью исходить из влияния латинского оригинала: ѓже грамматически не соответствует *quam*. Одновременно мы, конечно, не можем исключить того, что выбор местоимения женского рода все же был результатом механического перевода с латинского языка. Тем не менее по многочисленным примерам из других восточнославянских памятников XV–XVII вв. известно, что независимое от рода употребление форм *иже*, *еже*, *ѓже* было характерной особенностью языкового узуса того времени [Троицкий 1968: 203–251; Keipert 1968: 210–212; Voulatirou 2018: 385–386]. О том, что переводчик был в состоянии согласовывать эти лексемы по роду, свидетельствуют следующие примеры (при этом в примере (21) относительное местоимение, как и в примере (19), употребляется в форме ВП, но ВП = РП):

- (21) Домъ же ѓгоже съзидати хотѣ таково ѓма быти [...] (f.250r) — domus autem quam aedificari volo Domino talis esse debet [...] (22:5);
 (22) Да въведется кивѣ мирны [*in marg.*: завѣта] ѓ съсѣды гнѣ ѓсѣны в домѣ ѓже съзидается ѓмени гнѣю (f.250v) — [...] ut introducatur arca foederis Domini et vasa Domini consecrata in domum quae aedificatur nomini Domini (22:19); и др.

Лексема *закон* согласуется с м. р. в сочетании в| *законѣ моѣ* (f.258v) — *in lege mea* (2 Пар 16:6) и в примыкающем относительном предложении:

- (23) *тои ѳздрѣ възшелъ ѿ вавилона и тои писецъ скоръ въ| законѣ мѡѡсеѡвѣ иже гѣ бѣ далъ илю.* (f.287v) — *ipse Ezras ascendit de Babylone et ipse scriba velox in lege Mosi quam dedit Dominus Deus Israhel* (1 Езд 7:6).

С этой точки зрения выбор *иже* для ВП м. р. ед. ч. вполне можно считать осознанным: надо думать, что форма *иже* была альтернативной формам *егоже* и *иже*, представленным примерами (21) и (23). Выбор в примере (21) формы *егоже* (ВП = РП) вместо ожидаемой формы *иже* для ВП м. р. ед. ч., как в примере (23), объясняется, скорее всего, расширением категории одушевленности в том числе под влиянием живого разговорного языка, предпочитавшего форму ВП = РП [Keipert 1968: 211, 253, 265–270; Крысько 1994].

Одно из двух относительных местоимений м. р. мн. ч. ВП примыкает к одушевленному существительному и соответственно имеет форму *ихже*, т. е. ВП = РП (15:2, f.245v). Эта форма, кстати, также зафиксирована в приведенном выше примере (12); во втором случае придаточное предложение относится к неодушевленному антецеденту и вводится относительным местоимением в форме *иже* (ВП = ИП) — 23:5 (f.250v):

- (24) *Не подобно ѣ да ѿ всакого же носится кивотъ въи токомо ѿ левитъ ихже избра гѣ к|ношенію его и къ служенію себѣ даже въ|вѣкы.* (f.245v) — *illicitum est ut a quocumque portetur arca Dei nisi a Levitis quos elegit Dominus ad portandum eam et ad ministrandum sibi usque in aeternum* (15:2);
- (25) [...] *Пакы ·ѳд· дверниковъ и толко псалтєсъ поющіи гѣи въ ѡрганы иже сътвори къ гѣнїю* (f.250v) — *porro quattuor milia ianitores et totidem psaltae canentes Domino in organis quae fecerat ad canendum* (23:5).

Для выбора формы *иже* в примере (25) возможны два объяснения. Можно предположить, что *иже* в данном случае употребляется как неизменяемое относительное местоимение, что было характерно для языкового узуса того времени [Keipert 1968: 211; Voulatirou 2018: 385–386]. Однако показательно, что форма *иже* в данном стихе сохранена также в Острожской и в Московской библиях [ОБ: f.195v; МБ: f.160r]. Это свидетельствует о том, что она воспринималась как ожидаемая в данном случае. Поэтому здесь, скорее, следует принимать во внимание параллельный процесс синкретизма ИП и ВП в парадигме мужского рода в живом народном языке.

В ряде случаев *антецедент* выражается *местоимением*. Так, в ИП ед. ч. м. р. в качестве определяемого трижды выступает личное местоимение 1-го л. (*азъ/ego*, все три раза: f.249v, 21:17) и один раз — 2-го л. (*ты/tu*: f.243r, 11:2). Как местоимение 3-го лица дважды используются формы анафорического *j*-местоимения, которым в латинском тексте соответствуют формы местоимения *is*: *ѡ него иже преже тебе вѣ.* (f.247v) = *ab eo qui ante te fuit* (17:13) и *что ѡвѣщадѣ емѣ иже посла ма.* (f.249v) = *quid respondeam ei qui misit me* (21:12). Один раз коррелятом относительного местоимения является указательное местоимение *тои*: *Тои ѣ иже сѣенство сотворилъ ѳтъ въ|домѣ*

[...] (f.239r) = ipse est qui sacerdotio functus est in domo [...] (6:10). Во всех этих случаях ИП относительного местоимения выражается формой *иже*.

В ИП мн. ч. м. р. относительное местоимение *иже* коррелирует с формами *вси* и *тѣ*. Первым в латинском тексте соответствуют *universi* (f.239r, 5:20) и *omnes* (f.244r, 12:15); последним — формы указательных местоимений *hic* (f.240r, 6:66 и f.244r, 12:1) и *iste* (f.244r, 12:15). Один раз в качестве коррелята выступает анафорическое *j*-местоимение как соответствие форме латинского *is*: *имѣна ѿ иже родиша въ іерлѣимѣ*. (f.245r) = *et haec nomina eorum, qui nati sunt ei in Hierusalem* (14:4).

Форма **ВП** мн. ч. м. р. местоимения *иже* с коррелятом *тѣ* нам встретилась только один раз: *тѣ ѡбо прїидоша иже выше ѡписанѣхѣ имѣнѣ* (f.238v) = *hii ergo venerunt quos supra descripsimus nominatim* (4:41). Поскольку референт указательного местоимения одушевленный, относительное местоимение имеет форму **ВП** = **РП**. Еще один раз в качестве коррелята выступает местоимение *весь*:

- (26) *Гѣи нѣбѣ поѡбен тевѣ: ѿ нѣбѣ бѣ развѣ тевѣ ѡ всѣх иже слышахѣ ѡшима нашими*. (f.247v) — *Domine non est similis tui et non est alius deus absque te ex omnibus quos audivimus auribus nostris*. (17:20).

Форму *иже* в примере (26) мы рассматриваем как м. р. мн. ч., исходя из латинского текста, в котором относительное местоимение однозначно употреблено в форме м. р. В таком случае в форме *иже* следует видеть одушевленную форму мн. ч. **ВП** = **РП**. Однако для славянского перевода возможна еще одна интерпретация, а именно, что *иже* — это управляемый предикатом *слышати* **РП** ср. р. мн. ч. По смыслу здесь скорее ожидается именно ср. р. со значением ‘из всего, что мы слышали’, а не одушевленная конструкция ‘от всех, [от] которых мы слышали’. Показательна в этой связи правка в Острожской и Московской библиях [ОБ: f.193v; МБ: f.158v], в которых *иже* было заменено на универсальную форму *иже*, нивелирующую значение одушевленности в **ВП**.

Формы женского рода

Формы местоимения *иже* в женском роде в 1-й книге Паралипоменон, по нашим подсчетам, встречаются всего 15 раз. Во всех случаях они примыкают к именному антецеденту.

ИП ед. ч. ж. р. употребляется десять раз, при этом в четырех случаях относительное местоимение имеет форму *иже*, а в шести случаях — *иже*:

- (27) *начинаѣ первая книга двѣрѣиминь. ѿ ѣ паралипоменѣ: иже мѣ глѣти* [*in marg.*: *можѣ*] *словеса двѣри*: (f.235v) — *Incipit liber Dabreiamin id est Verba dierum qui Graece dicitur Paralipomenon* [*var. lect.*: *liber primus paralipomenon hebraice dibre haiamim*] [*Bibl. Vulg.*: 547] — *Incipit primus liber dabreiamin. i.[d est] p[ar]alyromenon*. [*Bibl. c. post.*: *Bildnr. 850/f.423v*];
- (28) *Пакы дѣдѣ нача дѣрѣ сїѡнъ: иже ѣ градъ дѣдовъ*. (f.243r) — *porro David cepit arcem Sion quae est civitas David* (11:5);

quoque uxorem alteram Hieramehel nomine Atara quae fuit mater Onam (2:26) или *ѿмаженѣ ѿвѣѣрѣ ѿвѣгѣа, ѿже роди ѣмѣ ѿсвѣа, ѿ модѣдѣа*. [ОБ: f.285v; ср. МБ: f.352r и ГБ: f.237r] — nomen vero uxoris Abisur Abiail quae reperit Ahobban et Molid (2:29). Кайперт указывает на такое же употребление *ѿже* в ж. р. во «Временнике» Ивана Тимофеева [Keipert 1968: 210–211].

Кроме того, форма *ѿже* в ж. р. может иметь значение **ИП мн. ч.** и **ВП мн. ч.** Мы обнаружили два примера на ИП (27:28, f.253v и 27:29, f.253v) и один пример на ВП (22:13, f.250r). Эти примеры также находят параллели в русско-церковнославянской письменности [Ibid.: 211]. В **ВП ед. ч.** может употребляться как ожидаемая форма *ѿже* (4:18, f.238r), так и форма *ѿже* (10:13, f.243r). Однако следует заметить, что *ѿже* используется как соответствие латинскому *quod*, т. е. относительному местоимению ср. р.:

- (32) *Оумре ѿво садѣлѣ. ради безаконїи своѣ: про то ѿ престѣпилѣ ѣ заповѣдь гнѣо ѿже повелѣ [...]* (f.243r) — mortuus est ergo Saul propter iniquitates suas eo quod praevaricatus sit mandatum Domini quod praeceperat [...] (10:13).

Возникает вопрос, не это ли было причиной выбора переводчиком именно формы *ѿже*, тем более что *ѿже* как соответствие *quod* в том же предложении встречается в сложном союзе *про то ѿже* (*eo quod*). Ответить на этот вопрос на данном этапе исследования невозможно, поскольку мы пока не располагаем другими примерами таких соответствий.

Кроме того, обращает на себя внимание *ѿже* как относительное местоимение в примере (27). Нет сомнений в том, что в рамках относительного придаточного оно выполняет функцию объекта и имеет форму ВП ед. ч. Однако возникает вопрос, к какому antecedенту оно относится: к *книга*, к *даврейѣминѣ* или к *паралипомѣнѣ*. Возможно, сразу к трем, что, предположительно, и объясняет выбор *ѿже* как универсального относительного местоимения. Но также есть основания полагать, что *ѿже* относится только к *книге*, т. е. ‘книга [...], которую мы можем называть [...]’. Поскольку это предположение обосновано как синтаксически, так и семантически, мы считаем *ѿже* также одной из возможных форм для передачи значения ВП ж. р. ед. ч., там более что, как уже упоминалось выше и как будет показано в дальнейшем, *ѿже* могло использоваться как несклоняемое местоимение.

Формы среднего рода

Достаточно пестрая картина наблюдается в парадигме среднего рода.

В **ИП** единственное число представлено только двумя примерами, и оба они вводятся формой *ѿже*: 15:12 (f.245v) и 16:39 (f.247r). Употребление *ѿже* вместо *ѣже* (точнее *ѣже*) в значении ср. р. ед. ч. ИП имело место уже в памятниках древнецерковнославянской письменности [Vondrák 1912: 623]. Во мн. ч. из семи бесспорных случаев, определяемых как ИП, только один раз используется форма *ѿже* — при местоименном antecedенте *всѣ* (f.246v) в соответствии с латинской коррелятивной конструкцией *omnia quae* (16:32). В шести случаях ИП ср. р. мн. ч. передается

формой иже: трижды с именным антецедентом (8:6, f.241r; 27:25, f.253v; 29:30, f.255r) и трижды в коррелятивных конструкциях: по всѣмъ иже писана сѣть в законѣ гнѣбъ (f.247r) — iuxta omnia quae scripta sunt in lege Domini (16:40); Вся иже въ срѣци твоѣ сѣть сѣтвори. (f.247r) — omnia quae in corde tuo sunt fac (17:2); Вся вѣмъ иже на нѣбси сѣть (f.254v) — cuncta enim quae in caelo sunt (29:11).

Еще один случай требует специального комментария в более широком контексте:

(33) Поста́влени во сѣть жребіи ѿ которого: и малыѣ и великыѣ по семьямъ своимъ на едины коаже врата. Паде вѣмъ жребіи възсточныи селеміе. Паки Захаріи снѣ ѿго мѣждѣ премѣдрвишѣ и ѡченѣ до паластра на сѣвернаа. Въведедомѣ во и снѣомѣ ѿго кз югѣ въ которои части дѣ вѣ старце совѣтомѣ: сефима и госа кз западѣ близъ вратѣ иже ведѣ кз пѣти възношеніа: (f.252v) — Miss[a]e sunt ergo sortes ex [a]equo: et parvis et magnis per familias suas in unamquamque portarum. Cecidit ergo sors orientalis selemi[a]e. Porro zachari[a]e filio eius viro prudentissimo et erudito [sortito] obtigit plaga septentrionalis. Obededom v[er]o et filiis eius ad austrum in qua p[ar]te domus erat seniorum concilium: sephima et hosa ad occidentem iuxta portam q[uae] ducit ad viam ascensionis: [Bibl. c. post.: Bildnr. 886/f.441v (26:13–16)].

Ср.: Поста́влены во сѣть жребіи ко́ждо ихъ, малыихъ и великихъ, по семья́хъ своимъ, на едины коа́ждо врата. Паде же жребіи възсточныи селемію. Захарію же снѣ ѿго мѣждѣ премѣдрвишѣ. паде жребіи страны сѣверныа. Авдедомѣ же и снѣомѣ ѿго кз югѣ противѣ домѣ севіма ѿтораго. Седимѣ и асаю, кз западѣ, близъ вратѣ иже ведѣтъ к пѣти възхоженіа [ОБ: f.196v];

Ср.: Поста́влены во сѣть жребіи ко́ждо ихъ, малыихъ и великихъ, по семья́хъ своимъ, на едины коа́ждо врата. Паде же жребіи възсточныи селемію. Захарію же снѣ ѿго мѣждѣ премѣдрвишѣ, паде жребіи страны сѣверныа. Авдедомѣ же и снѣомѣ ѿго кз югѣ, противѣ домѣ севіма ѿторагв. Седимѣ и асаю, к западѣ, близъ вратѣ иже ведѣтъ к пѣти възхоженіа [МБ: f.161r].

Принимая во внимание, что иже может употребляться безотносительно рода и числа, т. е. как универсальное относительное местоимение, фактически как маркер книжности, пример (33) вряд ли следует рассматривать как случай несогласованного употребления относительного местоимения. Исходя из формы мн. ч. антецедента, можно было бы интерпретировать иже в этом примере также как форму мн. ч. Однако обращает на себя внимание единственное число предиката, воспроизводящее ед. ч. предиката латинского текста, в котором, тем не менее, и антецедент имеет форму ед. ч. Здесь можно усматривать результат механического переноса конструкций исходного языка в целевой. Однако обращение к контексту заставляет считаться с возможностью, что в данном случае мы, как и в примере (6), снова имеем дело с *constructio ad sensum* (см. выше). Единственным числом предиката, как мы полагаем, подчеркивалось, что имеются в виду только одни из четырех «ворот», на которые был брошен жребий (на едины коаже врата), т. е. одна из четырех частей света, или также *ворота* в значение ‘дверь’. Такое осмысление кажется тем более вероятным, что, например, в предыдущем стихе речь идет

об одной части света, при этом в комментариях Николая де Лиры, которыми сопровождается библейский текст в нюрнбергском издании Антона Кобергера, предлагается специальное объяснение к этой части света. Намеренность выбора единственного числа предиката подтверждается, кроме того, передачей этих же стихов в Острожской и Московской библиях (см. цитаты): несмотря на явные корректуры, внесенные в текст особенно ОБ, относительное предложение в последнем стихе осталось без изменений — следовательно, его понимание не вызывало затруднений при подготовке текста к изданию. Наконец, еще один веский аргумент из языкового узуса второй половины XVI в.: князь Курбский, используя лексему *врата* как соответствие латинской лексеме *porta*, согласует ее с анафорическим *j*-местоимением в ед. ч.: *иво не неподобно ёмоу было чрез заключенные врата проити, и еи не наруошити печати* = *Non enim impossibile illi erat, per clausam portam transire, et illius non laedere signacula* [Dg. 134b: 19–20, S. 536–537]. Скорее всего, за этим стоит представление о *вратах* как о двери, что находит подтверждение в переводе лексемы *porta* как *дверь* в [Dg. 28a26, 145a13, 159b2]⁵. На основании этих данных и по аналогии с примером (6) мы относим форму *иже* в примере (33) семантически к единственному числу.

ВП ед. ч. ср. р. представлен формами *еже*, *ѡже* и *иже*. Форма *еже* встречается три раза: один раз с antecedentом *ратице* (11:23, f.243r) и два раза с antecedentом *слово* (13:2, f.245r и 21:19, f.249v). Еще в одном случае *еже* употребляется в предложной группе и потому имеет форму *въ неже* (точнее *в'нѣ*); этой формой определяется существительное *время* (17:5, f.247r). Это второй и последний случай использования местоимения *иже* в предложной группе в 1-й книге Паралипоменон (ср. пример 15). Форма *ѡже* в значении ср. р. ед. ч. ВП встретила три раза, при этом дважды antecedentом выступает именная группа *слово Господне* (11:3, f.243r и 11:10, f.243r) и один раз — *мѣсто* (15:3, f.245v). Во всех этих случаях *ѡже* перешло в Острожскую библию [ОБ: ff.190r, 190v, 192r], но дважды было откорректировано в Московской библии [МБ: *ѡже* 11:3, f.155v; но *еже* 11:10, f.156r и 15:3, f.157r]. Надо думать, это объясняется тем, что ко времени издания Острожской библии форма *ѡже* в значении ВП ед. ч. ср. р. была альтернативной форме *еже*, тогда как никоновские справщики ориентировались на норму, предписанную грамматикой Мелетия Смотрицкого (см. о корректуре относительных местоимений в середине XVII в. [Успенский 2002: 458–459]). Форму *иже* в том же грамматическом значении мы зафиксировали три раза: один раз — с antecedentом *время* (20:1, f.248v), один раз — с *жилице* (21:29, f.250r) и один раз — с местоименным antecedentом в коррелятивной конструкции *надъ тѣмъ ѡи* = *super haec quae* (29:3, f.254v). В последнем случае средний род устанавливается только по латинскому источнику. В славянском переводе форма ТП antecedента *тѣмъ* может указывать как на средний, так и на мужской род, так что выбор *иже* здесь в определенном смысле закономерен. В Острожской

⁵ „Аномалии“ в употреблении рода существительных подробно обсуждаются в [Вонатиру 2018: 723–733]. Здесь среди прочего указывается на часто встречающиеся примеры существительных исконно среднего рода, но согласующихся с женским родом.

и в следующей ей Московской библии данные стихи переведены иначе, так что сравнение оказывается невозможным. Тем не менее параллельные примеры использования *иже* в значении ВП ед. ч. ср. р. зафиксированы в переводах Курбского [Bounatirou 2018: 286].

В ВП **мн. ч.** употребляются главным образом две формы: *ѡже* и *иже*, при этом примеров с *иже* больше, чем примеров с *ѡже*. Однако общее количество обнаруженных примеров еще не позволяет делать выводов о преимущественном употреблении *иже* по сравнению с *ѡже*. Ожидаемая согласно нашим представлениям о церковнославянском стандарте форма *ѡже* встретила нам в трех фактически следующих друг за другом случаях с именным антецедентом: один раз — с *чюдеса* (16:12, f.246v) и дважды — со *слова* (16:15 и 16:16, оба f.246v). Еще раз *ѡже* употребляется в коррелятивной конструкции с местоименным антецедентом: *всѡ ѡже ѡмѡше* (f.245r) в соответствии с латинской конструкцией *omnibus quae habebat* (13:14). Форма *иже* встречается два раза с именной группой в вершине и пять раз в коррелятивных конструкциях: *Древѡ кедрова... иже сидони и тѡри принесоша* (f.250r) = *ligna quoque cedrina... quae Sidonii et Tyrii deportaverant* (22:4) и *нѡ скровици сѡими иже ѡсти Дѡдѡ* (f.252v) = *super thesauros sanctorum quae sanctificavit David* (26:26); *всѡ иже въздержѡхѡ* (f.229r) = *omnia quae possederant* (5:21), по *всѡ иже повелѡ мѡисѡ* (f.229v) = *iuxta omnia quae praecepit Moses* (6:49), *ѡмѡ и иже на скврдѡ прѡжѡше* (f.242v) — *eorum quae in sartagine frigebantur* (9:31); *всѡ иже помысли* (f.254r) = *omnium quae cogitaverat* (28:12) и *Прочѡ тѡ иже ѡготова въз дѡ сѡи* (f.254v) = *exceptis his quae paravi in aedem sanctam* (29:3). Употребление *ѡже* и *иже* в значении ВП ед. ч. ср. р. зафиксировано также во «Временнике» Ивана Тимофеева [Keipert 1968: 211], так что вариативность этих форм в данном грамматическом значении была характерной особенностью языкового узуса.

Помимо этого, в одном случае в ВП **мн. ч.** употребляется форма *иже*, т. е. ВП = РП, как это уже имело место в мужском роде. Однако, в отличие от примеров с *м. р.*, в данном случае форма *иже* относится к неодушевленным предметам:

- (34) Гѡ бѡ нѡшь: Всѡ сѡ мноства иже ѡготовахѡ да сзѡжетсѡ дѡ имени сѡомѡ твоемѡ ѡ рѡкѡ твою ѡ и твѡ сѡ всѡ. (f.255r) — *Domine Deus noster omnis haec copia quam paravimus ut aedificaretur domus nomini sancto tuo de manu tua est et tua sunt omnia* (29:16).

Мы интерпретируем форму *иже* как ВП, исходя из латинского источника, в котором относительное местоимение имеет форму ВП. Перед нами еще одно свидетельство расширения категории одушевленности в русско-церковнославянском языке и влияния на письменный узус процессов, происходивших в живом народном языке (см. комментарий к примеру (23) выше и подобные примеры в [Keipert 1968: 268]).

Из косвенных падежей в ср. р. встречается, кроме того, один пример на **ТП ед. ч.**: *сѡво ѡмѡ гѡлѡлѡ еси рѡвѡ твоемѡ* (f.247v) = *sermo quem locutus est famulo tuo* (17:23).

Предложенный здесь обзор показывает, что в ВП ср. р. наблюдается самая большая вариативность форм относительного местоимения.

Согласование иже с антецедентами разного рода

В 1-й книге Паралипоменон нам встретился всего один случай согласования относительного местоимения *иже* с антецедентами разного рода:

- (35) Имаши же многы змодѣлници: Каменосъвецъ и ѿзвистарѣи рѣкодѣлницѣ древоѣ и всеѣ зыгвалѣ къ сътворенію дѣла: раззъмнѣшии: Въ златѣ и сребрѣ, в мѣди и желѣзѣ: Имже нѣтъ числа. (f.250rv) — *habes quoque plurimos artifices lamotos et cementarios artificesque lignorum et omnium atrium ad faciendum opus prudentissimos in auro et argento aere et ferro cuius non est numerus* (22:15–16).

Форма *имже* относится одновременно к нескольким антецедентам и для ДП мн. ч. является стандартной для всех родов.

Субстантивные относительные предложения с *иже*

Отдельную группу составляют субстантивные относительные предложения, т. е. предложения, которые заменяют имя существительное и выполняют в предложении синтаксическую функцию субъекта:

- (36) И иже ѡбиташа первѣи въ ѡдержаніи и въ градѣхъ своихъ іѣль: и сѣенници и левити: и наддинеи: ѡстаха сѣ въ іерѣлимѣ ѿ словъ іудинъ и ѿ словъ веніаминь. (f.241v) — *qui autem habitaverunt primi in possessionibus et in urbibus suis Israhel et sacerdotes Levitae et Nathinnei commorati sunt in Hierusalem de filiis Iuda et de filiis Benjamin* (9:2–3).

В примере (36) относительное предложение выполняет функцию субъекта матричного предложения, имеются в виду «первые жители, которые жили во владениях своих» (СБ: 386). В славянском переводе 1-й книги Паралипоменон Геннадиевской библии мы насчитали семь таких субъектных конструкций: помимо процитированного стиха 9:2–3, они встречаются также в стихах 4:22 (f.238r), 9:29 (f.242r), 11:5 (f.243r), 12:33 (f.244v), 12:40 (f.244v) и 28:1 (f.253v). Все они вводятся местоимением *иже* ИП м. р., но в 4:22 в ед. ч., а во всех остальных случаях — во мн. ч. Выполняя функцию субъекта матричного предложения, они в большинстве случаев находятся в препозиции к его предикату. Эти конструкции имитируют латинский источник, но при этом не являются обусловленным им нововведением, поскольку субстантивные относительные придаточные были распространены уже в древнецерковнославянской письменности под влиянием греческого языка [Večerka 2002: 190].

Предложения с относительным местоимением *который*

Наряду с местоимением *иже* для образования относительных предложений переводчик Геннадиевской библии активно использовал местоимение *который*. В 1-й книге Паралипоменон мы насчитали 32 подчиненные относительные

конструкции с *который*. С одной стороны, это в пять раз меньше, чем предложений с *иже*. С другой стороны, обращает на себя внимание тот факт, что *который* лишь частично пересекается с *иже* в грамматических значениях. Системный анализ распределения форм приводит к выводу, что местоимение *который* дополняет парадигму относительного местоимения *иже*, зачастую выполняя функции, которых не было у *иже*. В ряде других случаев *который* вступает в конкуренцию с *иже*. Таким образом, различие в употреблении *иже* и *который* следует рассматривать не как количественное, а как качественное.

В III ед. ч. м. р. *который* встретилось только два раза, при этом в позиции спецификатора, т. е. при повторяющейся в относительном предложении вершине:

- (37) сѣъ ѡво аѡфамимъ ѡси: которои ѡси роди сесанъ. (f.237r) — filius vero Apphaim Iesi qui Iesi genuit Sesan (2:31)
- (38) ѿ того же родиса ѡвсаѡатъ ѡць ѡврамъ: которы ѡврѡ роди ѡрѡдъ: ѿ негоже роженъ ѣ ѡвѡсъ. (f.237v) — de hoc quoque natus est Iosaphat pater Ioram qui Ioram genuit Ohoziam ex quo ortus est Ioas (3:10–11).

Относительное местоимение в позиции спецификатора было весьма распространенным явлением в русско-церковнославянской письменности XV–XVII вв. [Троицкий 1968: 148–155; Meyer 2017: 97e; Mitrenina 2012: 66–67]. В приведенных примерах славянский переводчик следует латинскому тексту. В Острожской библии, которая правилась по греческим источникам, перевод тех же стихов иной (см. ff.185v, 186r).

Который в ИП в функции субъекта не используется в постпозитивных относительных предложениях, поскольку эта позиция в парадигме относительного местоимения в языковой компетенции переводчика была прочно занята местоимением *иже*. Об этом свидетельствуют 108 примеров употребления форм *иже* в ИП всех родов и чисел, тогда как местоимение *который* зафиксировано только два раза, при этом в позиции спецификатора, в которой, по крайней мере в 1-й книге Паралипоменон, не встречается *иже*.

В РП местоимение *который* употребляется наиболее часто, особенно в группе с предлогом *от* в значении родительного происхождения. Если с *иже* мы обнаружили только один такой случай, то с *который* их 13, из них 10 приходятся на м. р. ед. ч. (2:11, f.236v; 3:12–13, f.237v; 3:21, f.237v; 4:2, f.237v; 7:3, f.240v; 7:25, f.241r; 7:26, f.241r; 8:37, f.241v; 9:43, f.242v и 17:21, f.247v), один — на м. р. мн. ч. (1:12, f.235v) и два — на ж. р. ед. ч. (2:18, f.236v и 18:7–8, f.248r):

- (39) Наѡсонже ѡво роди салма: ѿ которого роженъ воѡзъ (f.236v) — Naasson quoque genuit Salma de quo ortus est Boez (2:11);
- (40) Калевъ ѡво сѣъ ѣсромовъ прѡтъ женѡ именѣ азѡва: ѿ которыа роди ѣродъ (f.236v) — Chaleb vero filius Esrom accepit uxorem nomine Azuba de qua genuit Ierioth (2:18);
- (41) Прѡтъ же дѡдъ тѡлы златы которыа имѡша рави дѡдѡзеръ: ѡпринесе ѡ вѡ ѣѡрлимъ: такѡ ѿ теѡатъ [*var. lect.: теѡдъ*] ѡ хѡмъ градѡвъ дѡдѡзерѡвъ мѡди мнѡство. ѿ

которыа сътвори соломонъ море мѣдано и столпы и съсѣды мѣдныа. (f.248r) — tulit quoque David faretras aureas quas habuerant servi Adadezer et adtulit eas in Hierusalem necnon de Thebath et Chun urbibus Adadezer aeris plurimum de quo fecit Salomon mare aeneum et columnas et vasa aenea (18:7–8).

В латинском источнике этой конструкции соответствует ablativus originis с предлогом *de*. В большинстве случаев это конструкция *de quo natus est (nati sunt)* или ее варианты. Только пример (41) составляет исключение. Кроме того, в одном случае переводчик поменял перспективу, переведя латинскую предложную группу *ad quam* антонимичной конструкцией с родительным происхождением, т. е. «от + который в РП», см. выше, пример (12): Кто во ѣ иный тако людѣ твои ийль къзкъ ѣдинъ на земли ѡ которого пронде бъ (f.247v) = quis autem est alius ut populus tuus Israhel gens una in terra ad quam perrexit Deus (17:21). Возможно, это снова пример семантического перевода, т. е. *constructio ad sensum*: славянский переводчик думал при этом о Христе, тогда как в латинском тексте речь идет о Боге Всевышнем. В Острожской библии это место было переведено как къзкъ ѣдинъ на земли, ѣгоже ради пронде бъ (f.193v).

Еще в одном случае предложная группа «от + который в РП» имеет иное значение:

- (42) Послаша же жребѣи по кратѣи свойѣ ѡ которого толко болши колко менши ѣченъ такъ же и неѣченъ. (f.252r) — miseruntque sortes per vices suas ex aequo tam maior quam minor doctus pariter et indoctus (25:8).

Здесь который используется не как относительное местоимение, а, судя по контексту, в значении ‘каждый’ (т. е. ‘каждый в свою очередь’, или дословно ‘в свой черед от каждого: от больших и малых [...]’) в соответствии с латинским *ex aequo*, т. е. ‘равным образом’. Трактовать эту конструкцию как относительное придаточное здесь не представляется возможным, поэтому эти примеры исключены из итоговых подсчетов.

Кроме значения родительного происхождения, РП используется по одному разу как родительный possessивный (в форме м. р. ед. ч.) и родительный времени (в форме м. р. мн. ч.):

- (43) моса во роди ваана которого снъ рафаѣа роди еласа: ѡ которого родиса есель. (f.242v) — Mose vero genuit Baana cuius filius Raphaia genuit Elasa de quo ortus est Esel (9:43);
- (44) ни снѣ безаконїа поперѣть и тако ѡ начаала: ѡ днїи которыа да сѣдѣа людѣ моимъ илю: (f.247rv) — nec filii iniquitatis adterent eos sicut a principio ex diebus quibus dedi iudices populo meo Israhel (17:9–10).

Образуя конструкцию с родительным времени (пример (44)), переводчик имитировал беспредложный ablativus temporis латинского источника, согласовав относительное местоимение с антецедентом в форме РП м. р. мн. ч. и отказавшись от повторения предлога (дословно ‘от дней, от которых’; литературно ‘от дней, в которые’). В possessивном значении (пример (43)) местоимение который

употребляется наряду с местоимением *иже* (см. выше (13) и (14)), но обнаруженных примеров еще недостаточно, чтобы делать какие-либо выводы о предпочтении того или иного местоимения, тем более что значение принадлежности в церковнославянском языке было закреплено за дательным падежом.

Еще в одном случае РП со значением прямого объекта используется при отрицании, т. е. как *genetivus negationis*:

- (45) И дѣ томѣ славы црѣтва: Которыа ни едины имѣ прѣ его црѣ ийлевѣ. (f.255r) — et dedit illi gloriam regni qualem nullus habuit ante eum rex Israhel (29:25).

Особенность этого случая заключается в том, что *который* здесь, скорее, имеет значение ‘каковой’, о чем свидетельствует латинское соответствие *qualis*. Тем не менее и в данном случае мы имеем дело с относительным предложением. В Острожской библии в этом стихе вместо *который* используется *иже*: и дѣсть емѣ славы црѣтва, ѣже ни едины имѣ прѣже его. (f.188v).

В общем и целом обращает на себя внимание тот факт, что в РП преимущественно используется *который* и лишь в единичных случаях *иже*. Соотношение *который* к *иже* составляет 16 : 3.

В ДП *который* используется один раз в значении дательного притяжательного (в форме ед. ч. м. р.) и также один раз в значении дательного непрямого объекта (в форме мн. ч. м. р.):

- (46) Исаи же роди прывѣнца еліавѣ: второго аминадава. третїаго симмага: четвѣртаго наданаила: патого раддан. шестого асонѣ. семаго дѣда: которомѣ сестры быша сарвіа и абвигиль: (f.236v) — Isai autem genuit primogenitum Heliab secundum Abinadab tertium Samaa quartum Nathanahel quintum Raddai sextum Asom septimum David quorum sorores fuerunt Sarvia et Abigail (2:13–16);
- (47) Ни ли глалѣ емѣ ли единомѣ сѣдїи ийлевѣ которыи повелѣхѣ да пасѣ люди моа (f.247r) — numquid locutus sum saltim uni iudicum Israhel quibus praesceperam ut pascerent populum meum (17:6).

В примере (46) относительное местоимение в славянском переводе употреблено в ед. ч.; тем самым оно определяет только последнего из названных сыновей, тогда как в латинском источнике (и в том числе в издании Кобергера [Bibl. с. post.: Bildnr. 853/f.425r]) оно имеет форму мн. ч., относясь ко всем сыновьям Исаи. В примере (47) функция относительного местоимения в славянском переводе совпадает с функцией относительного местоимения в латинском источнике.

Даже эти два примера, зафиксированные на данный момент, показывают, что в ДП *который* начинает вступать в конкуренцию с *иже*, несмотря на то что *иже* все же еще удерживает прочные позиции. Соотношение *который* к *иже* в ДП составляет 2 : 10.

В ВП право преимущественного употребления также принадлежит местоимению *иже*. С местоимением *который* нам встретились всего пять относительных предложений. В двух из них *который* в форме ж. р. мн. ч. функционирует как прямой объект: [...] прочїи ·ѣ· колесницѣ которыа въздержалѣ сѣвѣ. (f.248r) = [...] exsertis

centum quadrigis quas reservavit sibi (18:4) и тѣлы златы которыя имѣша рави дѣддезеръ в примере (41) выше. В трех других предложениях относительное местоимение имеет форму ВП = РП:

- (48) вера снѣ ѣго: которо плѣнена изведе деглатъ фалласаръ црѣ дсирѣиски. (f.238v) — Beera filius eius quem captivum duxit Theglathphalnasar rex Assyriorum (5:6);
- (49) Уставиша же тѣ богы свои: которы дѣдъ повелѣ съжеци. (f.245v) — dereliqueruntque ibi deos suos quos David iussit exuri (14:12);
- (50) Дастъ же дѣдъ число и которы ѡбыде: (f.249r) — deditque David numerum eorum quos circumierat (21:5).

Во всех этих случаях antecedent — одушевленное имя или же местоимение, как в примере (50), в котором под *их* подразумеваются люди, учтенные в переписи.

В значении ВП = РП местоимение *который* в форме мн. ч. м. р. один раз употребляется также в сочинительной относительной конструкции (*coniunctio relativa*):

- (51) Сѣи сѣи избранныи въ двѣрницѣ по вратѣхъ ꙗко и бѣ и ѡписаны в селѣхъ истинны которы поставиша дѣдъ и самоилъ видати въ вѣрѣ своей: (f.242r) — omnes hii electi in ostiarios per portas ducenti duodecim et descripti in villis propriis quos constituerunt David et Samuhel videns in fide sua (9:22).

Дистантное расположение относительного местоимения и antecedent не позволяет образовать именную группу с antecedentом в вершине, поэтому мы не рассматриваем этот пример как относительное подчинение. Тем не менее он симптоматичен, поскольку показывает, что *который* начинает занимать позиции в том числе в конструкциях с сочинительным относительным соединением. Что *который* в примере (51) функционирует не как относительное, а как личное или указательное местоимение, подтверждает перевод этого места в Острожской библии: Сѣи вси избранныи въ двѣрницѣхъ иже въ числѣхъ ꙗко и бѣ, сѣи в селѣхъ ихъ по племѣнемъ ихъ сочтѣно, и сѣихъ постави дѣдъ и самоилъ видати въ вѣрѣ своѣи. (f.189v).

В целом соотношение *который* к *иже* в функции прямого объекта составляет 5 : 33, что свидетельствует о преимущественном употреблении форм *иже* в ВП.

Самостоятельную группу образуют примеры с **ПП**. Они тем более показательны, что в 1-й книге Паралипоменон нет ни одного примера на *иже* в ПП. Кроме того, помимо двух упомянутых выше исключений, *иже*, в отличие от *который*, не используется в предложных группах. Формы ПП в 1-й книге Паралипоменон употребляются в предложных конструкциях с местным и временным значениями:

- (52) ѡврѣтошѣ паствы ѡбилны и стѣло добры: и землю пространнѣишѣ и покойнѣ и носациѣ. в которой прѣ ѡбитахѣ ѡ колѣна хамова. (f.238v) — inveneruntque pascuas uberes et valde bonas et terram latissimam et quietam et fertilem in qua ante habitaverunt de stirpe Ham (4:40);
- (53) По сѣ начатса брань в газеръ, съпротивѣ филистимѣ: в которой повилъ совохаи ѡсадитесь сафай ѡ рода рафанима и смирилъ и. Инаа же брань сътворена ꙗко противѣ

филистимѡ: в | которои повилъ ѿздана снъ салтѹсѹ ведлеемитесь брата голѡдаа геден. емѹже ратице древаное бѣ іако вратило ткѹщій. Но йнаа слѹчуса въ гедѣ в | которои бѣ члѹкъ должаиши сеносѹ ймѹюци прѹзеты [...] (f.249r) — Post h[aec] initum est *bellum* in gazer adversum philistheos: in q[uo] percussit sobochai usathites saphai de genere raphaim: et humiliavit eos. |Aliud q[uoque] *bellum gestum* e[st] adversus philistheos: in q[uo] p[er]cussit adeodatus filius saltus bethleemites fratrem goliath gethei cuius hast[a]e lignum erat quasi liciatorium texentium. Sed et aliud bellum accidit in geth in quo fuit homo longissimus senos habens digitos [...] [Bibl. c. post.: Bildnr.: 880/ f.438v (20:4–6)].

В местном значении мы зафиксировали два примера с формой ж. р. ед. ч.: см. (52) и последнее относительное предложение в (53); два примера с формой м. р. ед. ч.: кѹ камени в | которѡ бѣ дѣдъ (f.243v) = ad petram in qua erat David (11:15) и ѡлгарь же в | которѡ кадашѣ темѡанъ (f.254r) = altari autem in quo adoletur incensum (28:18), и один пример на ср. р. ед. ч.: кѹ [in marg.: кѹ привѣжицѹ] помощи в | которомъ живашѣ дѣдъ. (f.244r) = ad praesidium in quo morabatur David (12:16). Употребление ПП во временном значении иллюстрируют первые два относительных предложения с *который* в форме ж. р. ед. ч. в примере (53).

В примере (33) местоимение *который* также употребляется в предложной группе с местным значением: ѡведѡмѹ во й снѡмъ его кѹ югѹ въ которои чѹасти дѡ бѣ старцѣ совѣтомъ: (f.252v) = Obededom v[er]o et filiis eius ad austrum in qua p[ar]te domus erat seniorum concilium: [Bibl. c. post.: Bildnr. 886/f.441v (26:15)]. Однако здесь оно не функционирует как относительное местоимение: в предшествующем предложении нет antecedента, с которым бы *который* образовывало именную группу, согласуясь с ним по роду и числу. Наоборот, оно определяет следующее далее имя, т. е. функционирует как указательное местоимение со значением ‘этот’. Это еще один пример явления, называемого в латинистике *coniunctio relativa*, когда относительное местоимение выступает в роли личного или указательного местоимения.

Показательно, что ни одно предложение с относительным местоимением *который* не перешло в Острожскую и Московскую библии: одна часть стихов была переведена заново по греческому источнику, в другой формы *который* были исправлены на соответствующие формы *иже*.

Предложения с относительными местоимениями *что* и *кой*

Относительные придаточные в Геннадиевской библии также могут вводиться местоимениями *кой* и *что*. Нам удалось обнаружить в 1-й книге Паралипоменон по пять примеров на *кой* и *что* в функции относительных местоимений.

Относительное местоимение кой

Во всех примерах с *кой* относительное местоимение употребляется в значении прямого объекта. В четырех случаях оно имеет форму ВП = РП (м. р., мн. ч.),

но при этом только в трех из этих случаев *кой* относится к одушевленному антецеденту:

- (54) снѣ же фѣре наложници дѣрамли. кой роди: Замрамъ іѣксанъ маданъ ѣсвокъ и сѣе. (f.236r) — filii autem Cetthurae concubinae Abraham quos genuit Zamram Iecsan Madan Iesvoc Sue (1:32);
- (55) и поплззидшѣ по бѣтѣхъ лѣоскы̄ земля: кой ѡгнѣтъ гѣ прѣ ними. (f.239r) — et fornicati sunt post deos populorum terrae quos abstulit Dominus coram eis (5:25);
- (56) Сїи [= Сїове. — И. П.] сѣтъ кой постави дѣдъ на пѣвци домѣ гѣа: ѡкѣдѣ посадилъ ѣ кивотъ: (f.239v) — isti sunt quos constituit David super cantores domus Domini ex quo conlocata est arca (6:31);
- (57) даша по жребію ѡ колѣна снѣвъ іудинъ. и ѡ колѣна снѣвъ симеонъ. и ѡ колѣна снѣвъ веніаминъ. грады тѣ. кой зваша імены своими. (f.240r) — dederuntque per sortem ex tribu filiorum Iuda et ex tribu filiorum Symeon et ex tribu filiorum Benjamin urbes has quas vocaverunt nominibus suis (6:65).

В примере (56) обращает на себя внимание еще одно относительное предложение, начинающееся местоименным наречием ѡкѣдѣ, характерным для разговорного языка. Показательно, что в Острожской библии оба относительных местоимения были «окнижнены»: Сїи же сѣтъ иже постави дѣдъ на пѣвци домѣ гѣа. идѣже постави кѣотъ. (f.187v). Для формы ВП = РП в примере (57) возможна двойная интерпретация: во-первых, она может быть результатом уже не однажды упомянутого выше расширения категории одушевленности; во-вторых, можно предположить, что *грады* в данном контексте метафорически действительно понимается как имя одушевленное, поскольку города были населены людьми.

Еще в одном случае местоимение *кой* употребляется в форме ВП ср. р. ед. ч.:

- (58) Три тебѣ избраниа даю: ѣдино кое възхоцещи избери да сѣтворю тебѣ. (f.249r) — trium tibi optionem do unum quod volueris elige et faciam tibi (21:10).

Примеры с (54) по (57) в Острожской библии были откорректированы: *кой* было заменено на *иже*. Эти корректуры перешли в Московскую библию. В примере (58) местоимение *кой* сохранилось как в Острожской (f.194v), так и в Московской библии (f.259v).

Употребление местоимения *кой* в качестве относительного характерно для восточнославянских как книжных, так и некнижных текстов; см., например, [СЛРЯ XI–XVII, 7: 228–229]. Это местоимение было распространено в южнославянских и в том числе в древне- и среднецерковнославянских памятниках и до сих пор употребляется в южнославянских языках как относительное местоимение [СлССЯ II: 97; ЭССЯ 13: 176–177]. Тем более знаменательно, что в 1-й книге Паралипоменон мы обнаружили всего пять примеров с этим местоимением. Это ставит под сомнение авторство хорвата Вениамина как предполагаемого переводчика всех «латинских» книг Геннадиевской Библии: от переводчика-хорвата ожидалось бы более активное использование *кой* как относительного местоимения.

Относительное местоимение что

Местоимение *что* употребляется преимущественно также в ВП и относится к antecedентам ср. р. ед. и мн. ч.:

- (59) Принесоша збо кивѣ вѣжи и поставиша его посреди жилища что възвиже емѣ дѣдъ. (f.246r) — *adtulerunt igitur arcam Dei et constituerunt eam in medio tabernaculi quod tetenderat ei David (16:1);*
- (60) Поможе же емѣ гъ въз всеѣ на что изыде. (f.248r) — *adiuvitque eum Dominus in cunctis ad quae perreherat (18:6);*
- (61) съ сребрѣ и златѣ что възалъ ѿ всеѣ языкы (f.248r) — *cum argento et auro quod tulerat ex universis gentibus (18:11);*
- (62) Спль же гъ дѣда въз всеѣ на что изыде. (f.248r) — *salvavitque Dominus David in cunctis ad quae perreherat (18:13).*

Но в одном случае *что* используется в ТП, определяя antecedент м. р. мн. ч.:

- (63) Но и волове дѣ на всеъжженіе. и триблалъ [*in marg.*: и каткы ѿ землю магчаты] въз дрова и пшеницѣ въз жртвѣд: (f.255v) — *sed et boves do in holocaustum et tribulas in ligna et triticum in sacrificium (21:23).*

Относительное предложение образовано в маргинальной глоссе, комментирующей латинское заимствование *триблалъ* в переводном тексте. Поскольку это комментарий, он в большей степени ориентирован на узус разговорного языка, чем и объясняется выбор формы *чимъ*. В Острожской библии заимствование *триблалъ* заменено на *пллгъ* (f.195r), ср. [Freidhof 1972: 153].

Ни один из примеров с относительным местоимением *что* не перешел из Геннадиевской библии в Острожскую и в Московскую. Во всех приведенных случаях (кроме примера (63), поскольку маргинальные комментарии ГЪ не вносились в ОБ или в МБ) *что* было заменено на формы *иже*, в том числе с предлогом.

Позиция относительных предложений

Вопрос о позиции относительного предложения по отношению к матричному актуален в связи с упомянутым выше мнением о том, что до конца XVII в. русский язык не знал постпозитивных относительных предложений. Г. Хютль-Фольтер сделала выводы о французском влиянии на русский синтаксис, в том числе исходя из того, что в русском переводе в абсолютном большинстве случаев воспроизводится позиция относительного придаточного французского оригинала. Однако это в такой же степени характерно для церковнославянских переводов с греческого вообще и анализируемого русско-церковнославянского перевода с латыни в частности. В 1-й книге Паралипоменон нет фактически ни одного случая, когда бы переводчик отступил от задаваемой латинским оригиналом синтаксической структуры сложного предложения. В этой связи детальное исследование позиции относительных придаточных может показаться излишним. Мы предложим его в виде сводной

таблицы, в которой в зависимости от типа относительного местоимения (*иже, который, кто* или *что*) расклассифицированы данные о позиции относительных предложений по отношению к матричным. Кроме того, в отдельном столбце в таблице учитываются случаи сочинительной относительной связи, т. е. относительно присоединения (*coniunctio relativa*).

Относительное местоимение	количество	позиция в предложении			coniunctio relativa
		препозиция	интерпозиция	постпозиция	
иже	155	5	46	104	+ 5
которые	32		2	30	+ 2
кои	5		2	3	
что	5			5	

В латинском языке атрибутивные относительные предложения передают зачастую греческие причастные конструкции, поэтому в латинских текстах используется больше относительных предложений. Славянский переводчик перенес их в свой текст, всякий раз сохраняя синтаксическую структуру латинского оригинала⁶. Перевод 1-й книги Паралипоменон не содержит конструкций, которые считаются типичными для живого разговорного языка того времени. Относительные придаточные в препозиции повторяют заданные модели латинского источника. Функционирование относительного местоимения как спецификатора также было задано латинским оригиналом. Интерпозиция относительного предложения подразумевает расположение придаточного внутри главного или матричного предложения, но при этом относительное предложение примыкает непосредственно к антецеденту, т. е. находится в постпозиции к нему.

Во вступительной части к статье упоминался тезис В. М. Живова о том, что *который* как относительное местоимение в современном стандартном русском языке является результатом лексической замены в рамках уже существующей в письменности синтаксической конструкции, которая в русский язык была заимствована из церковнославянского. Приведенный в данной главе обзор фактически иллюстрирует этот тезис В. М. Живова.

Выводы

Совершенно очевидно, что «латинские» книги Геннадиевской библии переводились на гибридный церковнославянский язык, когда переводчик целенаправленно использовал как типично книжные, так и, скорее, некнижные элементы или, по крайней мере, элементы, менее характерные для книжного регистра, даже если они в нем тоже могут использоваться. Об этом свидетельствует парадигма

⁶ Следует заметить, что в славянском переводе также есть случаи, когда относительные предложения латинского источника переводились на славянский язык иначе. Такие случаи единичны. Мы не задавались целью исследовать относительное подчинение в сравнении с латинским оригиналом. Это тема самостоятельного исследования. При этом точных результатов можно будет добиться только с помощью корпусных методов анализа.

относительного местоимения, в которой требуемые книжным «стандартом» формы *иже* дополняются формами местоимений *который*, *кой* и *что*.

Род, число Падеж	м. р.		ж. р.		с. р.		мн. ч. (вне родовых различий)
	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.	
ИП	иже (42), которон (1), которын (1)	иже (44)	ѣже (4), иже (6)	иже (2)	иже (3)	иже (6), ѣже (1)	
РП	егоже (2), ѿ негоже (1), ѿ которого (9), ѿ котораго (1), которого (1)	ѿ которыхъ (1), которыхъ (1)	ѿ которыа (2), которыа (1)				
ДП	емѣже (9), которомѣ (1)	которымъ (1)					имже (1)
ВП	егоже (1), ѣже (2); (одуш.) которого (1)	иже (1), коиъ (1); (одуш.): ихъ (3), которыхъ (2), коиъ (3)	юже (1), ѣже (1), иже (1)	иже (1), которыа (2)	ѣже (3), еже (3), въ неже (1), иже (3), кое (1), что (2)	ѣже (4), ихъ (1), иже (7), что (2)	
ТП					имже (1)	чѣ (2)	
ПП	въ которомъ (2)		въ которон (4)		въ которомъ (1)		

В именительном, дательном и винительном падежах *иже* сохраняет свои позиции, тогда как в родительном и предложном падежах преимущественно употребляется *который*. Помимо этого, в форме ВП = РП при антецедентах мужского рода формы местоимений *который* и *кой* также предпочитают формам местоимения *иже*. Многочисленные «отступления» в использовании форм *иже*, ожидаемых согласно реконструированному в современной лингвистической науке церковнославянскому «стандарту», находят объяснения в языковом узусе. Сводная таблица всех обнаруженных форм показывает, что книжники вырабатывали со временем совершенно новые правила распределения старинных форм, которые не имели ничего общего (или же имели мало что общего) с их исходным употреблением. Дополняя эти «нестандартные» формы местоимениями, характерными в большей степени для устной речи, они создавали собственный «гибридный» язык, в котором вырабатывались конструкции, перешедшие в так называемый русский литературный язык нового типа.

Литературные языки развиваются в контакте с другими литературными языками [Keipert 2019: 726]. Вряд ли следует сомневаться в том, что современные относительные предложения с *который* развились в результате языкового контакта. Однако активное употребление местоимения *который* в качестве относительного, вне всяких сомнений, начинается еще в период до интенсивных польско-русских письменных контактов (что, впрочем, не отменяет полностью влияние польского языка). А. А. Зализняк обнаружил большое число относительных предложений, вводимых местоимением *который* с релятивизаторами *же* и *то*, т. е. *который то*

и *который же*, в восточнославянских грамотах до конца XV в. При этом он замечает, что в южных и юго-западных грамотах число предложений с *который* несколько больше, чем в северо-восточных [Зализняк 1981].

Думается, что современные относительные предложения с местоимением *который* развились в первую очередь как результат внутривосточнославянского контакта, который поддерживался церковнославянским языком, задававшим синтаксические модели. При этом следует учитывать, что контакты между восточными славянами в древнейшую эпоху были настолько тесными, что далеко не всегда можно однозначно локализовать языковые явления. Поскольку переводы с латыни конца XV в. лингвистически до сих пор не изучены, трудно делать выводы об их влиянии на становление русского синтаксиса. Однако проведенный анализ показывает перспективу таких исследований. Показательно, что большое число относительных предложений с *который* засвидетельствовано именно в переводе с латинского языка. Вызвано ли это тем, что латинский язык, в отличие от греческого, в русском ортодоксальном сознании не был окружен ореолом святости, поэтому в переводах с латыни допускались некнижные конструкции и некнижная лексика, или, может быть, тем, что переводчик стремился сделать текст более доступным для потенциальных читателей, или также тем, что он лучше владел формами *иже* в ИП, ДП и ВП и в худшей степени в других падежах, особенно в тех, которых нет в греческом языке (т. е. ТП и ПП), так что для него было трудно соотносить известные ему формы с моделями латинского источника, — все это должны показать будущие исследования.

Мы согласны с Р. Майером в том, что в XVII в. употребление относительных предложений с *который* значительно расширилось. Однако польский язык напрямую или через посредство рутенского языка не был при этом языком-донором, но играл стабилизирующую роль. Совершенно очевидно, что *который* как относительное местоимение не было инновацией XVII в., а вошло в употребление значительно раньше. В общеевропейском контексте истории новых европейских письменных языков, в которых современные относительные предложения сформировались под влиянием латинского синтаксиса [Haspelmath 2001: 1507], очень показательно, что вводимые местоимением *который* постпозитивные относительные придаточные активно используются именно в гибридном русско-церковнославянском переводе с латыни. Это свидетельствует об особенной роли гибридного регистра в европеизации русского синтаксиса, что должно стать темой последующих исследований.

Источники и словари

Алф. — М. С. Bragone. *Alfavitari radi učenija malych detej. Un abbecedario nella Russia del Seicento* (= Biblioteca di Studi Slavistici. Bd. 6). Firenze, 2008.

Библ. Энци. — В. Никифоров, арх. Иллюстрированная полная популярная Библийская энциклопедия. Вып. III. Москва, 1892.

ГБ [Геннадиевская библия] — рукопись ГИМ, Синод. собр. №915, 1007ff., in folio, 1499 г.

ЖАН — В. Мансика. Житие Александра Невского. Разбор редакций и текст (= Памятники древней письменности и искусства. № 180). СПб., 1913.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка: <http://www.ruscorpora.ru/new/> (поиск в Старорусском подкорпусе: http://www.ruscorpora.ru/new/search-mid_rus.html).

ОБ [Острожская Библия] — Библіа сирѣвѣ кни́ги вѣтхаго и новаго завѣта, по ѡзвѣстѣ словенскѣ [...]. Острог, 1581.

МБ [Московская Библия] — Библіа сирѣвѣ кни́ги вѣтхаго и новаго завѣта, по ѡзвѣстѣ словенскѣ [...]. Москва, 1663.

СБ [Синодальная Библия] — Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового завета в русском переводе с параллельными местами и приложениями. М., 1999.

СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 7. М., 1980; Вып. 8. М., 1981.

СлССЯ — Словарь старославянского языка. Т. 2. СПб., 2006.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 13. М., 1987; Вып. 15. М., 1988.

Bibl. c. post. — Nicolaus [de Lyra], Paulus [Burgensis], Doering, Matthias. [Biblia], Bd.: 1, Nuremberge, [ca. 1487]. Münchner digitale Sammlung der Bayerischen Staatsbibliothek (http://daten.digitale-sammlungen.de/~db/0002/bsb00025_811/images/).

Bibl. Vulg. — B. Fischer. Biblia sacra iuxta Vulgatam versionem / Adiuvantibus B. Fischer, Io. Gribomont, H. F. D. Sparks, W. Thiele. Recensuit et brevi apparatu instruxit R. Weber. Stuttgart, 1975.

Dg. — J. Besters-Dilger. Die Dogmatik des Johannes von Damaskus in der Übersetzung des Fürsten Andrej M. Kurbskij (1528–1583) (= Monumenta linguae Slavicae dialecti veteris. Fontes et dissertationes. Bd. 35). Freiburg i. Br., 1995.

Hieron. Vulg. — Hieronymus. Biblia sacra vulgata. Vol. II: Iosue — Iudices — Ruth — Samuhel — Malachim — Verba dierum — Ezras — Tobias — Iudith — Hester — Iob / Hrsg. v. M. Fieger, W.-W. Ehlers, A. Beriger (= Sammlung Tusculum). Berlin; Boston, 2018.

SlavynEv — Evangelienübersetzung des Jepifanij Slavynec'kyj, Moskau, 1673: Facsimile-Ausgabe / Besorgt und eingeleitet von O. B. Strakhov. Paderborn; München; Wien; Zürich, 2002 (= Biblia Slavica: Ser. 3, Ostslavische Bibeln. Bd. 3).

SlavynNT — Neues Testament in der Übersetzung des Priestermönchs Jepifanij Slavynec'kyj / Hrsg. T. A. Isačenko. Paderborn; München; Wien; Zürich, 2002 (= Biblia Slavica: Ser. 3, Ostslavische Bibeln. Bd. 2).

Литература

Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М., 1959 [первое изд. — 1863].

Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. 1: Священное писание. М., 1855.

Живов В. М. Новые материалы для истории перевода «Географии генеральной» Бернарда Варения // Известия АН СССР. Серия лит-ры и языка. Т. XLV, вып. 3. 1986. С. 246–260.

Живов В. М. Заметки об историческом синтаксисе русского языка (По поводу книги: G. Hüttl-Folter. Syntaktische Studien zur neueren russischen Literatursprache. Die frühen Übersetzungen aus dem Französischen. Böhlau Verlag. Wien; Köln; Weimar, 1996. 319 S.) // Вопросы языкознания. 1997. №4. С. 58–69.

Живов В. М. История языка русской письменности. М., 2017.

Зализняк А. А. Противопоставление относительных и вопросительных местоимений в древнерусском // Балто-славянские исследования 1980. М., 1981. С. 89–107.

Керишине Р. Б. Сложноподчиненные определительные предложения // Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Сложноподчиненные предложения / Отв. ред. В. И. Борковский. М., 1973. С. 5–73.

Крысько В. Б. Развитие категории одушевленности в истории русского языка. М., 1994.

Пичхадзе А. А. Средства выражения императивной и оптативной семантики в древнерусских и старорусских прескриптивных памятниках // Вопросы языкознания. 2010. №5. С. 14–24.

Подтергера И. А. Грамматическая часть в «Алфавитаре ради учения малых детей»: структура, содержание, источники // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 5. Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2014–2015. М., 2015. С. 233–288.

Ромодановская В. А. Об источниках и характере энциклопедических глосс Геннадиевской библии (1499 г.) // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 52. СПб., 2001. С. 138–167.

Ромодановская В. А. Заметки о переводе «латинских» книг Геннадиевской библии 1499 г.: библейский текст и энциклопедические глоссы // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 56. СПб., 2004. С. 235–250.

Ромодановская В. А. Геннадиевская библия // Православная энциклопедия. Т. 10. 2010. С. 584–588 (электронная публикация: <http://www.pravenc.ru/text/162049.html>).

Соболевский С. И. Грамматика латинского языка. Теоретическая часть. Морфология и синтаксис. СПб., 1998.

Троицкий В. И. Относительное подчинение в языке русской письменности XVI–XVII веков. Казань, 1968.

Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). Изд. 3-е. М., 2002.

Хютль-Фольтер Г. О синтаксисе «Рассуждения о оказательствах къ міру...» 1720 г. // Russian Linguistics. Vol. 11. No 2. 1987. С. 279–296.

Bounatirou E. Eine Syntax des „Novyj Margarit“ des A. M. Kurbskij. Philologisch-dependenzgrammatische Analysen zu einem kirchenslavischen Übersetzungskorpus (= Slavistische Beiträge. Bd. 509). Wiesbaden, 2018.

Danylenko A. On the relativization strategies in East Slavic // Grammaticalization and lexicalization in the Slavic languages. Proceedings from the 36th meeting of the Commission on the grammatical structure of the Slavic languages of the International committee of slavists (= Die Welt der Slaven. Sammelbände/Сборники. Bd. 55) / M. Nomachi, A. Danylenko, P. Piper (eds.). München; Berlin; Washington D. C., 2014. P. 183–204.

Danylenko A. A tale of two pathways: On the development of relative clause chaining in East Slavonic // Diachronic Slavonic syntax: The interplay between internal development, language contact and metalinguistic factors (= Trends in linguistics: Studies and monographs. Vol. 315) / J. Grković-Major, B. Hansen, B. Sonnenhauser (eds.). Berlin; Boston, 2014. P. 361–386.

Freidhof G. Vergleichende sprachliche Studien zur Gennadius-Bibel (1499) und Ostroger Bibel (1580/81). Die Bücher Paralipomenon, Esra, Tobias, Judith, Sapientia und Makkabäer (= Osteuropastudien der Hochschulen des Landes Hessen. Reihe III: Frankfurter Abhandlungen zur Slavistik. Bd. 21). Frankfurt a. M., 1972.

Haspelmath M. The European Linguistic Area: Standard Average European // Language Typology and Language Universals: An International Handbook (= HSK 20.2) / M. Haspelmath, E. König, W. Oesterreicher, W. Raible (eds.). Bd. 2. Berlin; New York, 2001. P. 1492–1510.

Hofmann J. B., Szantyr A. Lateinische Syntax und Stilistik. Mit dem allgemeinen Teil der lateinischen Grammatik (= Handbuch der Altertumswissenschaft. Abt. II, Teil 2, Bd. 2). München, 1997.

Hüttl-Folter G. Syntaktische Studien zur neueren russischen Literatursprache. Die frühen Übersetzungen aus dem Französischen. Wien; Köln; Weimar, 1996.

Issatschenko A. Geschichte der russischen Sprache. Bd. 2: Das 17. und 18. Jahrhundert. Heidelberg, 1983.

Keipert H. Beiträge zur Textgeschichte und Nominalmorphologie des „Vremennik Ivana Timofeeva“. Bonn, 1968.

Keipert H. Geschichte der russischen Literatursprache // Handbuch der sprachwissenschaftlichen Russistik und ihrer Grenzdisziplinen (= Slavistische Studienbücher. N. F. Bd. 8) / H. Jachnow (Hg.). Wiesbaden, 1999. S. 726–779.

Mendoza I. Relativsätze in den Birkenrindentexten // Linguistische Beiträge zur Slavistik. XIII. JungslavistInnen-Treffen in Leipzig. 23.–26. September 2004 (= Specimina Philologiae Slavicae. Bd. 149) / U. Junghanns (Hg.). München, 2008. S. 49–62.

Menge H. Lehrbuch der lateinischen Syntax und Semantik / 3. Aufl. Völlig neu Bearbeitet v. T. Burkard u. M. Schauer. Darmstadt, 2007.

Meyer R. The C system of relatives and complement clauses in the history of Slavic languages // Language. Vol. 93. No 2, June 2017. P. e97–e113.

Minlos Ph. R. Slavic relative *što/co* between pronouns and conjunctions // Slovĕne. Vol. 1. 2012. No 1. P. 74–91.

Mitrenina O. V. The syntax of pseudo-correlative constructions with the pronoun *ko-toryj* ('which') in Middle Russian // Slovĕne. Vol. 1. 2012. No 1. P. 61–73.

Moser M. Die polnische, ukrainische und weißrussische Interferenzschicht im russischen Satzbau des 16. und 17. Jahrhunderts (= Schriften über Sprachen und Texte). Frankfurt a. M. et al., 1998.

Murelli A. Relative constructions in European non-standard varieties (= Empirical approaches to language typology. Vol. 50). Berlin; New York, 2011.

Stotz P. Handbuch zur lateinischen Sprache des Mittelalters. Bd. 4. Formenlehre, Syntax und Stilistik (= Handbuch der Altertumswissenschaft. Abt. II, Teil 5, Bd. 4). München, 1998.

Večerka R. Altkirchenslavische (altbulgarische) Syntax. Bd. IV. Die Satztypen: Der zusammengesetzte Satz (= Monumenta linguae Slavicae dialecti veteris. Fontes et dissertationes. Bd. 27.4). Freiburg i. Br., 2002.

Vondrák W. Altkirchenslavische Grammatik. Berlin, 1912.

Irina A. Podtergera

*Institute of Slavic Studies, Ruprecht Karl University of Heidelberg
(Heidelberg, Germany)*

irina.podtergera@slav.uni-heidelberg.de

RELATIVE CLAUSES IN THE RUSSIAN CHURCH SLAVONIC TRANSLATION OF THE “LATIN” BOOKS OF THE GENNADIUS BIBLE (THE CASE OF 1 CHRONICLES)

The article presents a systematic analysis of relative constructions in one of the “Latin” books of the Gennadius Bible, and specifically in 1 Chronicles. The aim of the article is to ascertain the part played in the system of relative clauses of this translated text by relative clauses introduced by the relativizer *kotoryj* in postposition to nouns. This aspect is of particular interest in the study of the “Europeanization” of the syntax of Standard Russian, inasmuch as postpositive relative subordinate clauses with a declining pronoun are one of the characteristic features of so-called Standard Average European (SAE) languages. It is, moreover, thought that modern-type relative clauses in standard Western European languages developed under the influence of Latin.

The first part of the article discusses existing hypotheses about the origin of Standard Average European-type relative clauses in Standard Russian (A. Issatschenko, G. Hüttl-Folter, V. Zhivov, R. Meyer). There then follows a detailed analysis of relative subordinate clauses in the book of 1 Chronicles in the Gennadius Bible of 1499. At the center of attention are relative clauses with the relativizers *īže*, *kotoryj*, *koi*, and *čto*. In the concluding section of the article, some preliminary suggestions are made on the basis of the data analyzed, concerning the possible role of Latin in the history of the Europeanization of the syntax of written Russian and the link between syntactical “innovations” and traditions of the use of language in Church Slavonic texts.

Keywords: relative subordination, relativizer *kotoryj*, translations from Latin, influence of Church Slavonic, intra-Slavic language contact, Europeanization of the syntax.

References

Bounatirou E. *Eine Syntax des „Novyj Margarit“ des A.M. Kurbskij. Philologisch-dependenzgrammatische Analysen zu einem kirchenslavischen Übersetzungskorpus* (= Slavistische Beiträge. Bd. 509). Wiesbaden, 2018.

Buslaev F.I. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka*. Moscow, 1959/²1863.

Danylenko A. On the relativization strategies in East Slavic. *Grammaticalization and lexicalization in the Slavic languages. Proceedings from the 36th meeting of the Commission on the grammatical structure of the Slavic languages of the International committee of slavists* (= Die Welt der Slaven. Sammelbände/Sborniki. Bd. 55). München, Berlin, Washington/D. C., 2014. P. 183–204.

Danylenko A. A tale of two pathways: On the development of relative clause chaining in East Slavonic. *Diachronic Slavonic syntax: The interplay between internal development, language contact and metalinguistic factors* (= Trends in linguistics: Studies and monographs. Vol. 315). Berlin; Boston, 2014. P. 361–386.

Freidhof G. *Vergleichende sprachliche Studien zur Gennadius-Bibel (1499) und Ostroger Bibel (1580/81). Die Bücher Paralipomenon, Esra, Tobias, Judith, Sapientia und Makkabäer* (= Osteuropastudien der Hochschulen des Landes Hessen. Reihe III: Frankfurter Abhandlungen zur Slavistik. Bd. 21). Frankfurt a. M., 1972.

Gorskii A.V., Nevostruev K.I. *Opisanie slavyanskikh rukopisei Moskovskoi Sinodal'noi biblioteki. Otd. 2: Svyashchennoe pisanie*. Moscow, 1855.

Haspelmath M. The European Linguistic Area: Standard Average European. *Language Typology and Language Universals: An International Handbook* (= HSK 20.2). M. Haspelmath, E. König, W. Oesterreicher, W. Raible (eds.). Bd. 2. Berlin; New York, 2001. P. 1492–1510.

Hofmann J.B., Szantyr A. *Lateinische Syntax und Stilistik. Mit dem allgemeinen Teil der lateinischen Grammatik* (= Handbuch der Altertumswissenschaft. Abt. II, Teil 2, Bd. 2). München, 1997.

Hüttl-Folter G. O sintaksise „Rassuzhdeniya o okazatelstvakh“ k” miru...“ 1720 g. *Russian Linguistics*. Vol. 11, Hft 2. 1987. P. 279–296.

Hüttl-Folter G. *Syntaktische Studien zur neueren russischen Literatursprache. Die frühen Übersetzungen aus dem Französischen*. Wien; Köln; Weimar, 1996.

Issatschenko A. *Geschichte der russischen Sprache. Bd. 2: Das 17. und 18. Jahrhundert*. Heidelberg, 1983.

Keipert H. *Beiträge zur Textgeschichte und Nominalmorphologie des „Vremennik Ivana Timofeeva“*. Bonn, 1968.

Keipert H. *Geschichte der russischen Literatursprache. Handbuch der sprachwissenschaftlichen Russistik und ihrer Grenzdisziplinen* (= Slavistische Studienbücher. N.F. Bd. 8). H. Jachnow (Hg.). Wiesbaden, ²1999. S. 726–779.

Keršiene R.B. *Slozhnopodchinennye opredelitel'nye predlozheniya. Srvanitel'no-istoricheskii sintaksis vostochnoslavjanskikh yazykov. Slozhnopodchinennye predlozheniya*. Moscow, 1973. P. 5–73.

Krys'ko V. B. *Razvitie kategorii odushevlenosti v istorii russkogo yazyka*. Moscow, 1994.

Mendoza I. Relativsätze in den Birkenrindentexten. *Linguistische Beiträge zur Slavistik. XIII. JungslavistInnen-Treffen in Leipzig. 23.–26. September 2004* (= Specimina Philologiae Slavicae. Bd. 149). München, 2008. P. 49–62.

Menge H. *Lehrbuch der lateinischen Syntax und Semantik*. 3. Aufl. Völlig neu Bearbeitet v. T. Burkard u. M. Schauer. Darmstadt, 2007.

Meyer R. The C system of relatives and complement clauses in the history of Slavic languages. *Language*. Vol. 93, No 2, June 2017. P. e97–e113.

Minlos Ph. R. Slavic relative čto/co between pronouns and conjunctions. *Slověne*. Vol. 1. 2012. No 1. P. 74–91.

Mitrenina O. V. The syntax of pseudo-correlative constructions with the pronoun *ko-toryj* ('which') in Middle Russian. Vol. 1. *Slověne*. No 1. 2012. P. 61–73.

Moser M. *Die polnische, ukrainische und weißrussische Interferenzschicht im russischen Satzbau des 16. und 17. Jahrhunderts* (= Schriften über Sprachen und Texte). Frankfurt a. M. et al., 1998.

Murelli A. *Relative constructions in European non-standard varieties* (= Empirical approaches to language typology. Vol. 50). Berlin; New York, 2011.

Pichkhadze A. A. Sredstva vyrazheniya imperativnoi i optativnoi semantiki v drevnerusskikh i staroruskikh preskriptivnykh pamyatnikakh. *Voprosy yazykoznanija*. No 5. 2010. P. 14–24.

Podtergera I. A. Grammaticheskaya chast' v „Alfavitare radi ucheniya mal'nykh detei“: struktura, sodержanie, istochniki. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. Vyp. 5. Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriya russkogo yazyka*. 2014–2015. Moscow, 2015. P. 233–288.

Romodanovskaya V. A. Ob istochnikakh i karaktere ènciklopedicheskikh gloss Gennadijevskoi biblii (1499 g.). *Trudy otdela drevnerusskoi literatury*. T. 52. St. Petersburg, 2001. P. 138–167.

Romodanovskaya V. A. Zametki o perevode „latinskikh“ knig Gennadijevskoi biblii 1499 g.: bibleiskii tekst i ènciklopedicheskie glossy. *Trudy otdela drevnerusskoi literatury*. T. 56. St. Petersburg, 2004. P. 235–250.

Romodanovskaya V. A. Gennadijevskaya Bibliya. *Pravoslavnaya ènciklopediya*. T. 10. P. 584–588 (<http://www.pravenc.//>).

Sobolevskiy S. I. *Grammatika latinskogo yazyka. Teoreticheskaya chast'. Morfologiya i sintaksis*. St. Petersburg, 1998.

Stotz P. *Handbuch zur lateinischen Sprache des Mittelalters*. Bd. 4. *Formenlehre, Syntax und Stilistik* (= Handbuch der Altertumswissenschaft. Abt. II, Teil 5, Bd. 4). München, 1998.

Troickij V. I. *Otnositel'noe podchinenie v yazyke russkoi pis'mennosti XVI–XVII vekov*. Kazan', 1968.

Uspenskij B. A. *Istoriya russkogo literaturnogo yazyka (XI–XVII vv.)*. Moscow, 2002.

Večerka R. *Altkirchenslavische (altbulgarische) Syntax. Bd. IV. Die Satztypen: Der zusammengesetzte Satz* (= Monumenta linguae Slavicae dialecti veteris. Fontes et dissertationes. Bd. 27.4). Freiburg i. Br., 2002.

Vondrák W. *Altkirchenslavische Grammatik*. Berlin, 1912.

Zaliznyak A. A. Protivopostavlenie otnositel'nykh i voprositel'nykh mestoimenii v drevnerusskom. *Balto-slavyanskije issledovaniya 1980*. Moscow, 1981. P. 89–107.

Zhivov V. M. Novye materialy dlya istorii perevoda „Geografii general'noi“ Bernarda Vareniya. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*. T. XLV, vyp. 3. 1986. P. 246–260.

Zhivov V. M. Zametki ob istoricheskom sintaksise russkogo yazyka (Po povodu knigi: G. Hüttl-Folter. Syntaktische Studien zur neueren russischen Literatursprache. Die frühen Übersetzungen aus dem Französischen. Böhlau Verlag. Wien; Köln; Weimar, 1986. 319 S.). *Voprosy yazykoznaniya*. 1997. No 4. P. 58–69.

Zhivov V. M. *Istoriya yazyka russkoj pis'mennosti*. Moscow, 2017.